

Институт психологии Российской академии наук

УЧЕННЫЕ ЗАПИСКИ ИНСТИТУТА ПСИХОЛОГИИ РАН

2021. ТОМ 1. №1

Выходит 4 раза в год

Главный редактор:
Лебедев Александр Николаевич

Заместители главного редактора:

Гордякова О.В. (Москва), Сварник О.Е. (Москва)

Члены редакционной коллегии:

Акопов Г.В. (Самара), Аксеновская Л.Н. (Саратов), Александров Ю.И. (Москва), Аллахвердов В.М. (Санкт-Петербург), Богданчиков С.А. (Москва), Волченков Д. (США, Техас), Демидов А.А. (Москва), Кисельникова Н.В. (Москва), Корнилова Т.В. (Москва), Мазилев В.А. (Ярославль), Панов В.И. (Москва), Прохоров А.О. (Казань), Ушаков Д.В. (Москва), Харламенкова Н.Е. (Москва), Хашченко В.А. (Москва), Юревич А.В. (Москва)

Институт психология РАН: 129366, г. Москва, ул. Ярославская д. 13, корп. 1.

Электронная почта: scientificnotesipras@gmail.com

Полнотекстовая электронная версия журнала публикуется на <https://scientific-letters.ru>

УЧЕНЫЕ ЗАПИСКИ ИНСТИТУТА ПСИХОЛОГИИ РАН
2021. Том 1. №1

СОДЕРЖАНИЕ НОМЕРА

Вступительное слово главного редактора журнала «Ученые записки Института психологии РАН» Лебедева А.Н.	2
Приветственное слово директора Института психологии РАН Ушакова Д.В.	3
МЕТОДОЛОГИЯ НАУКИ	
<i>Зуев К.Б.</i>	4
Современная российская психология в международном библиометрическом пространстве	
ИСТОРИЯ ПСИХОЛОГИИ	
<i>Богданчиков С.А.</i>	12
Неподнятая целина: обзор зарубежных публикаций 1930-1950-х гг. о советской психологии	
ОБЩАЯ ПСИХОЛОГИЯ	
<i>Акопов Г.В.</i>	23
Неречевые языки сознания: постановка проблемы и возможности ее решения	
СОЦИАЛЬНАЯ ПСИХОЛОГИЯ	
<i>Гордякова О.В.</i>	30
Влияние чувств стыда и гордости на отношение потребителей к эпатажной политической рекламе	
<i>Богданчиков С.А., Харитонова Е.В.</i>	44
Социальная психология паники: к истории вопроса	
МЕТОДЫ И МЕТОДИКИ	
<i>Ковпак Д.В.</i>	51
Паника и паническое расстройство: методы диагностики и терапии	
ИНТЕРВЬЮ	
Интервью с Аллахвердовым В.М.	64

Дорогие читатели!

Выход первого номера журнала «Учёные записки Института психологии РАН» является для нас событием знаменательным. Ему предшествовала большая длительная работа и прежде всего – это деятельность Академического дискуссионного клуба ИП РАН. В первый номер журнала вошли статьи, которые были подготовлены активными участниками заседаний нашего клуба: Аллахвердовым В.М., Акоповым Г.В., Богданчиковым С.А., Гордяковой О.В., Зуевым К.Б., Ковпаком Д. В. и Харитоновой Е.В. Предметом обсуждения в дискуссионном клубе за последнее полугодие стали такие проблемы, как природа сознания, развитие личности и ее социально-психологические свойства, природа паники и история ее изучения, состояние отечественной психологии, перспективы и пути ее развития.

Мы надеемся, что новый журнал будет отражать наиболее острые и сложные для изучения темы, актуальные как для фундаментальной академической науки, так и для широкой практики. Основные принципы журнала сформулированы в его концепции. И это прежде всего – соблюдение научной этики и дискуссионность. Мы хотели бы, чтобы в журнале были отражены не только достижения современной науки, но и ее проблемы, все то, что нам пока неизвестно о психике. Уверен, что это очень важно прежде всего для молодых учёных, которые прокладывают свой собственный путь в науке. Коллеги, приглашаем вас активно участвовать в деятельности как дискуссионного клуба, так журнала. Ждём ваших материалов и будем рады любым замечаниям и предложениям.

Главный редактор журнала
«Учёные записки Института психологии РАН»
д.пс.н. Лебедев Александр Николаевич

Дорогие коллеги!

Выходит в свет первый номер журнала «Ученые записки Института психологии Российской академии наук». Сегодня в российской психологии издается немало интересных журналов, и все-таки «Ученые записки» будут иметь свой особенный, ни на кого не похожий профиль и облик. Новый журнал будет основываться на принципах, разработанных его Главным редактором проф. А.Н. Лебедевым.

Сегодня наша психология серьезно профессионализировалась и специализировалась, что в целом очень неплохо. Однако меньше стало обсуждения общих вопросов, размышлений о направлении развития науки. Журнал намерен заполнить этот пробел, поднять общеинтересные темы, которые заинтересуют все психологическое сообщество, а также представителей смежных наук.

Журнал будет работать в тесном взаимодействии с «Академическим дискуссионным клубом», который также возглавляет Александр Николаевич Лебедев. За счет этого будет поддерживаться острая дискуссионная атмосфера, свобода выражения мнения. Ведь действительно в нашей психологии сегодня подчас не хватает откликов: ученый может долго публиковать свои исследования, не получая серьезной обратной связи. Журнал будет работать на восполнение этого пробела, на формирование коммуникации, соблюдая при этом доброжелательную, коллегиальную среду.

В наши дни ученые заинтересованы в публикациях в журналах с официальным статусом – входящих в международные базы данных, список ВАК. Для этого статьи должны проходить обязательное рецензирование, выполняться другие формальности. Такого направления и таких правил будут строго придерживаться «Ученые записки».

Интересным журнал делают авторы, поэтому «Ученые записки» будут делать все для привлечения творческих, талантливых и оригинальных ученых. Также будут создаваться все условия для быстрой и удобной публикации материалов.

Надеюсь, что новый журнал станет настоящим сгустком идеи и сумеет привлечь внимание всех тех, кому интересны новые тенденции в психологической науке.

В добрый путь «Ученые записки»!

Д.пс.н., академик РАН
Ушаков Дмитрий Викторович

Методология науки

СОВРЕМЕННАЯ РОССИЙСКАЯ ПСИХОЛОГИЯ В МЕЖДУНАРОДНОМ БИБЛИОМЕТРИЧЕСКОМ ПРОСТРАНСТВЕ

© Зуев К.Б.

Институт психологии РАН, г. Москва, Россия
zuevkb@ipran.ru

В статье рассматриваются тенденции представленности отечественной психологии в международном библиометрическом пространстве. Проанализированы отечественные журналы, входящие в качестве региональной базы (RSCI) в библиометрическую базу Web of Science. Показано, что абсолютным лидером в области изданий журналов RSCI является МГППУ. Рассмотрены языки публикаций отечественных авторов; языки и страны публикаций их цитирующих. Делается вывод о наличии в WoS относительно замкнутого кластера отечественных публикаций по психологии: статьи публикуются преимущественно на русском языке и цитируются в основном из России. Такое положение дел объясняется сложившейся культурой научных публикаций в нашей стране и административным давлением. Показано, что существует еще как минимум один аналогичный языковой кластер: испанский. В то время как, активно развивающийся в научном плане Китай стимулирует своих ученых к публикациям на английском языке.

Ключевые слова: Психологические науки, научные публикации, наукометрические базы, библиометрические базы, индексы цитируемости

Введение

Дискуссии о наличии/отсутствии у отечественной психологии особого пути развития не утихают десятилетиями. Сторонники российской специфики обычно указывают на высокую значимость методологических проблем, противники – на нелепую постановку вопроса и интернациональность науки (Двойнин, 2015; Коннов, 2014; Корнилова, 2015; Юревич, 2015 и др.). Дополнительный импульс дискуссиям был предан изменениями в системе отчетности академических учреждений и ВУЗов, произошедшими в начале прошлого десятилетия (Юревич, Юревич, 2016).

В жизнь научных сотрудников и преподавателей ВУЗов пришли библиометрические базы, которыми мало кто умел пользоваться, а многие и вовсе не знали об их существовании. Со временем не только отчетность по государственному заданию, но и грантовая политика сначала трех, а теперь единственного российского научного фонда стала строиться с опорой на библиометрические

базы. В первую очередь международные, а среди международных в первую очередь на Web of Science core collection. Сам по себе такой подход многократно подвергался критике со стороны отечественных ученых.

Зарубежные специалисты в области наукометрии тоже не остались в стороне от критики и выпустили Лейденский манифест (Hicks и др., 2015), в котором призывали к ограничению использования наукометрических методов при оценке академической успешности. Отдельно развивается движение за открытую науку («open science»), которое предлагает не только допустить до знаний и образования всех желающих, но и вообще ликвидировать текущую систему академических степеней и званий.

Существует и еще один аспект, который реже рассматривается в обсуждениях, но представляется важным: Web of Science является коммерческим продуктом, принадлежащим иностранной

компании. И в целом возникает недоумение: почему государственная политика в области науки в России строится с опорой на зарубежный коммерческий продукт. Очевидно, что держателям баз это выгодно, но выгодно ли это отечественной науке?

При всей критике, которую можно продолжать долго, необходимо отметить, что, во-первых, альтернатив количественным измерениям публикационных показателей практически не существует. Во-вторых, WoS находится в условиях жесткой конкуренции с другой международной междисциплинарной библиометрической базой – Scopus, которая была создана значительно позже и принадлежит издательскому дому Elsevier.

В цели этой статьи не входит сравнение данных баз, хотелось бы лишь подчеркнуть, что наличие острой конкуренции заставляет базы постоянно развиваться и совершенствовать используемые показатели, что, в свою очередь, способствует более высокому качеству конечного продукта как в плане публикаций, которые попадают в базы, так и в плане производных индексов, основанных в первую очередь на цитировании.

По-видимому, для отечественной психологии наиболее актуальным является показатель Web of Science. Выбор именно этой базы был обусловлен несколькими факторами. Во-первых, формальным – именно публикации в WoS берутся за основу отчетов или же наоборот используются в качестве «входного фильтра» в фондах и организациях. Следовательно, проанализировать именно эту базу представляется особенно интересным с точки зрения соответствия формальных критериев реальному положению дел в науке.

Во-вторых, WoS имеет иерархическую структуру. В нее входят региональные базы (в том числе российская, основанная на лучших журналах, входящих в РИНЦ), база Emerging Sources Citation Index (ESCI), в которой находятся журналы, проходящие «испытательный срок», и самая «высшая» – Web of Science core collection, которая, в свою очередь, делится на тематические базы (индексы). Изучение структуры российских журналов и представленности российских авторов в каждой из этих баз позволяет лучше понять место России в международном научном сообществе.

В-третьих, WoS обладает инструментами высокой степени информативности и наглядности, которые помогают лучше визуализировать и анализировать получаемую информацию. Все данные в статье приведены на июль-август 2021 года.

Отечественные психологические журналы в региональной базе WoS

Изучение представленности отечественной психологии в мировом библиометрическом пространстве логично начать с ядра российской базы РИНЦ (RSCI), которое в качестве национальной базы входит в WoS. Всего по теме «психология» в RSCI индексируется 17 журналов. Издателями журналов выступают шесть ВУЗов, РАН, одна общественная организация и один журнал принадлежит частным издателям (см. таблицу 1). Подавляющее число журналов (15 из 17) издается в Москве, по одному – в Новосибирске и Санкт-Петербурге.

Таблица 1. Распределение журналов, входящих в RSCI по издателям

Издатель	Количество издаваемых журналов, включенных в RSCI
Московский государственный психолого-педагогический университет	8
Московский государственный университет им. М.В. Ломоносова	1
Национальный исследовательский университет «Высшая школа экономики»	2
Новосибирский государственный педагогический университет	1
ООО «Вопросы психологии»	1
Российская академия наук	1
Российский университет дружбы народов	1
Российское психологическое общество	1
Санкт-Петербургский государственный университет	1

Как видно из таблицы, абсолютным лидером по количеству журналов, индексируемых в RSCI, является МГППУ. Причина данного лидерства – издательская политика Университета, которая, с одной стороны, заключается в продвижении своих журналов в международные базы, а с другой, – в создании сети отраслевых и тематических

журналов. На втором месте идет НИУ ВШЭ. Из двух журналов один отраслевой («Организационная психология»), второй принимает публикации на любые темы («Психология. Журнал Высшей школы экономики»). В целом все остальные журналы, за исключением «Science for Education Today», издаваемом в Новосибирске и нацеленном в первую очередь на педагогическую аудиторию, не сосредоточены на какой-то области или тематике. Такое положение дел характерно для отечественной публикационной культуры (Зуев, 2016). Пример МГППУ является скорее исключением. При этом узкая специализация журналов характерна для западных издательств. Таким образом, МГППУ находится в тренде мировой издательской политики, в то время как остальные организации проявляют определенную долю ригидности.

Хотелось бы подробнее остановиться на причинах низкого распространения отраслевых и тематических журналов в нашей стране. Первая причина заключается в традиции издавать один «главный» журнал на организацию, в котором печатаются преимущественно сотрудники издателя. Во многом эта традиция сохранилась. В частности, в рассматриваемом списке RSCI присутствуют три «вестника». Именно с этого слова чаще всего начинается название журнала, относящегося к ВУЗу или факультету.

Со временем в ряде организаций стало издаваться по несколько журналов, но зачастую они носят обобщенный характер, оставаясь дифференцируемыми между собой по уровню престижности, но не по тематике. Однако же появляются и исключения. Например, в Институте психологии РАН издаются два отраслевых журнала: «Институт психологии Российской академии наук. Социальная и экономическая психология» и «Институт психологии Российской академии наук. Организационная психология и психология труда». Пока эти издания не входят в RSCI, но, представляется, что это недалекая перспектива.

Вторая причина связана с организационными сложностями издания узкоспециализированного журнала. Чем уже отрасль, тем меньше специалистов в ней работает и тем сложнее привлечь их для публикации. Особенно это актуально для но-

вых журналов, которые только начинают свою издательскую деятельность. С большей вероятностью именитые авторы отдадут свою статью в журнал с устоявшейся хорошей репутацией, чем в новый, никому не известный журнал. В этом случае очень важны организационные качества издательской команды и, безусловно, научный авторитет главного редактора. Издание журнала – сложный и многоаспектный процесс и не всякий успешный в науке ученый будет готов возглавить редакционную коллегию нового издания.

Третья причина – отсутствие в нашей стране ассоциаций внутри психологического сообщества. Привязка журнала к профессиональной ассоциации очень распространена на западе. В России существует Российское психологическое общество (которое издает один из журналов, входящих в RSCI) – более или менее функционирующая организация. Существует еще несколько профильных объединений – Федерация психологов образования, Межрегиональная эргономическая ассоциация и др. Но все же, по сравнению с западными странами, количество ассоциаций в России исчезающе мало. И главное – их реальная деятельность практически не видна. Профильные журналы, издаваемые ассоциациями, скорее редкость, чем общее правило. Если же журналы все же существуют, как в случае с эргономической ассоциацией, – в международные базы они чаще всего не попадают.

Отдельно необходимо остановиться на языках издания журналов, входящих в RSCI. На данном этапе развития научной коммуникации, международным языком науки является английский. Журналы, входящие в RSCI, являются либо целиком русскоязычными, либо публикующими статьи и на русском, и на английском языке. Одна оригинальная статья может быть опубликована на одном из двух языков. Переводные версии отсутствуют. В любом случае метаданные статьи, традиционно размещаемые во всех наукометрических базах (название, авторы, аффилиации, аннотация, список литературы), присутствуют и на русском, и на английском языке, что позволяет обеспечивать размещение статей в региональной базе WoS.

Публикации отечественных психологов в WoS core collection

Перейдем к анализу публикаций, индексируемых в международном сегменте WoS. В целом число публикаций по психологии в WoS является довольно стабильным с некоторой тенденцией к росту и составляет порядка десяти-одиннадцати

тысяч в год. Более подробная динамика представлена на рисунке 1.

Проанализируем подробнее библиометрические показатели публикаций по психологии и попробуем определить место отечественной науки в международном пространстве. Для анализа возьмем пятилетний период: с 2016 по 2020 годы.

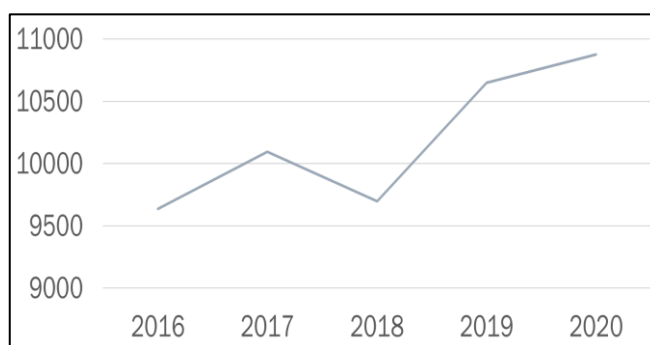

Рис. 1. Динамика числа публикаций по психологической тематике в WoS core collection за пятилетний период.

Наиболее распространённым языком публикаций ожидаемо является английский. Однако на уровне WoS core collection русский язык заметен и занимает третью строчку после английского и испанского, опережая даже немецкий, который в свое время также был общемировым научным языком. В год на русском языке выходит порядка 300 публикаций, которые индексируются в WoS core collection.

Сравним это количество с публикациями, которые выходят с привязкой к нашей стране, независимо от языка. В период с 2017 по 2020 год ежегодно отечественными авторами публиковалось около 450 статей, индексируемых в WoS core collection, в 2016 – 327. Всего за пятилетний период было опубликовано 2110 статей, в которых хотя бы один из авторов был аффилирован с российской организацией.

Подытоживая, можно отметить, что порядка двух третей статей написаны на русском языке. Соблюдая формальное требование публиковаться в журналах, индексируемых в международных базах данных, отечественные психологи отдают предпочтение российской научной периодике, а организации способствуют включению издаваемых ими журналов в международные базы. Язык публикаций при этом остается русским. Схожая

картина была и в предыдущий период с той разницей, что на последние 5 лет приходится заметное увеличение числа российских журналов, индексируемых в WoS (Зуев, Нестик, 2018).

В то же время необходимо отметить, что языковой барьер легко преодолевается в современном цифровом мире с помощью автоматических переводчиков и при интересе к статье понять ее содержание можно довольно точно, особенно если читающий разбирается в предмете. Поэтому попадание в международную базу данных представляется более важным для потенциальной известности работы, чем публикация на английском языке, но не индексируемая нигде.

Показатели цитируемости отечественных публикаций по психологии в WoS core collection

Самым понятным свидетельством востребованности публикаций в настоящее время является цитируемость. Все более важными становятся и альтернативные метрики (например, количество загрузок статей с официального сайта издания или же количество прочтений в специализированной социальной сети для ученых), но пока цитата является единственным четко фиксируемым отношением к публикации.

На 2110 статей, опубликованных российскими авторами, приходится 2135 цитат без самоцитирования. Цитаты исходят из 1979 источников. Каждая статья в среднем цитируется 1,24 раза. Индекс Хирша всех статей составляет 18. При этом первые девять позиций самых цитируемых статей (от 26 до 85 цитирований) занимают публикации в иностранных журналах, большая часть которых выполнена в больших коллаборациях. Современная наука в значительной мере так и строится: одному специалисту или небольшому коллективу ученых сложно построить коллаيدر и даже провести кросс-культурное исследование в значительном количестве стран с применением стандартного набора опросников.

В отечественной психологии ситуация участия в международных проектах, результатом которых становятся публикации в престижных журналах, является не столь уж и редкой. Роль отечественных ученых в тоже время сводится к проведению тестирования в нашей стране. Идея, дизайн исследования и пр. дается уже в готовом виде. Само по себе участие отечественных ученых свидетельствует об интеграции в международное научное пространство, но не на востребованность отечественной психологии. Наша страна в таких исследованиях рассматривается как одна из площадок исследования наравне, например, с Африкой.

Реальный уровень заинтересованности отечественной психологией может показать цитируемость статей (теоретических, эмпирических и обзорно-аналитических) выполненных целиком в России. Десятку самых цитируемых публикаций отечественного сектора WoS замыкает статья Г.У. Солдатовой, опубликованная в журнале «Социальная психология и общество» в 2018 году (Солдатова, 2018). Статья цитируется 26 раз. Абсолютно все цитаты выполнены отечественными исследователями, подавляющее большинство цитирующих работ написано на русском языке, значительная часть цитат исходит из журналов, издаваемых МГППУ (который является издателем журнала «Социальная психология и общество»). Данный пример не является чем-то исключительным. Статья рассмотрена нами только в силу того, что входит в ТОП-10 самых цитируемых статей по

психологии в WoS core collection, выполненных отечественными психологами¹. Для рассмотрения общей картины обратимся к метрикам цитируемых публикаций. Первое на что необходимо обратить внимание – из каких баз (индексов) внутри WoS исходят цитаты (см. таблицу 2).

Таблица 2. Распределение публикаций, цитирующих статьи российских авторов, по индексам WoS (2016-2020 годы)

Индекс WoS	Количество публикаций*	% от общего числа
Emerging Sources Citation Index (ESCI)	909	40.836
Social Sciences Citation Index (SSCI)	902	40.521
Science Citation Index Expanded (SCI-EXPANDED)	466	20.934
Conference Proceedings Citation Index – Social Science & Humanities (CPCI-SSH)	128	5.750

* В таблице опущены индексы, из которых исходит менее 100 цитат.

Напомним, что ESCI, занимающая первую строчку, – это база, в которую входят журналы, подходящие по формальным и содержательным показателям, но не набравшие пока достаточно научного «веса», в первую очередь цитирований. Для этих журналов, до последнего времени не учитывались никакие показатели, включая импакт-фактор. То есть журналы невозможно было сравнивать между собой. В 2021 году ситуация изменилась и появились специальные метрики, но в целом индекс стоит на низшей ступени иерархии в рамках Web of Science core collection. Именно в эту базу входит большинство российских журналов, индексируемых в WoS, в частности все индексируемые журналы МГППУ.

На второй позиции ожидаемо находится тематический рейтинг социальных наук. Представленные результаты показывают, что российские публикации в значительной степени цитируются из журналов, только ожидающих попадания в тематические индексы WoS core collection.

¹ Для сравнения: в РИНЦ на статью ссылаются 131 раза.

Однако наиболее показательными являются распределение цитирующих публикаций по языкам и регионам. Подавляющее большинство цитат приходится на английский (1614 единиц) и русский (580 единиц) языки. При этом 1212 цитат исходит из России. Это более половины всех цитирований.

Обобщая все вышесказанное, можно констатировать, что в **Web of Science core collection**, **несмотря на ее международный статус, сложился относительно замкнутый кластер русскоязычных публикаций по психологии**. Статьи издаются преимущественно на русском языке и цитируются из России.

Специально необходимо подчеркнуть, что представленный вывод не носит оценочного характера. Правильно говорить о выявлении научно-организационного и культурного феноменов. В ответ на административное давление научное сообщество российских психологов успешно провело и продолжает проводить политику включения отечественных русскоязычных журналов в международные базы, не потеряв таким образом свое особенное «лицо» и включившись (пусть и в значительной степени номинально) в международный научный процесс. Но кто знает, может быть, такая политика приведет к особому статусу русского языка в международной науке?

Опыт других государств

Выявленный феномен характерен не только для русскоязычных публикаций. Аналогичная картина наблюдается для статей, опубликованных на испанском языке. Как указывалось выше, он занимает вторую строчку по частоте использования после английского. Говорить о прямом сравнении несколько некорректно, поскольку испанский язык не имеет столь очевидной географической привязки, как русский, но по всей видимости, наблюдается аналогичный культурный феномен.

Согласно данным WoS, количество статей по теме «психология» на испанском языке в середине 2000-х годов колебалось в промежутке от 36 до 125. Причем цифры больше 100 единиц в год характерны для конца указанного периода. Принципиальный скачок произошел между 2014 и 2015 годами. В 2014 году была опубликована 141

статья, а в 2015 – уже 356, и ниже показатель больше не опускался, хотя имеется некоторая тенденция к снижению. Большинство этих статей написаны испанскими авторами. На втором месте с большим отрывом следует Колумбия. Далее идут Мексика, Аргентина и Чили. Свой вклад также вносят Бразилия и Перу. И все же абсолютным лидером является Испания. Пик цитируемости также приходится на период после 2015 года.

По аналогии с русскоязычной выборкой рассмотрим данные по самой цитируемой статье (Ato, López-García, Benavente, 2013). Всего статья цитируется 512 раз. Распределение по странам выглядит следующим образом: Испания – 305 цитат, Чили – 80 цитат, Перу – 77 цитат, Колумбия – 44 цитаты, Аргентина – 35 цитат, Мексика – 33 цитаты, Бразилия – 25 цитат. Из остальных стран исходит меньше 10 цитирований.

Как можно видеть, несмотря на внушительный абсолютный показатель, статья практически не цитируется за пределами испаноязычного мира. Если же рассмотреть источники цитат в целом, то можно увидеть примерно такое же распределение по странам. Абсолютным лидером является Испания. С большим отрывом следует Чили, потом Мексика, Колумбия, США, Аргентина, Бразилия, Перу, Португалия. Единственным существенным отличием от анализа единичной статьи является вклад США в цитируемость. Оттуда исходит 402 цитаты из более чем семи тысяч. В целом же можно констатировать ситуацию аналогичную русскоязычной.

В качестве второй точки сравнения возьмем КНР. Именно это государство дало название нечестным методам продвижения в международных библиометрических базах: продажа соавторства, накручивание цитирования и др. Все эти способы некоторое время назад получили название «китайские технологии». Но в современном научном мире это именование нельзя назвать точным. Китай по-прежнему остается одним из лидеров публикационного процесса, но уже честно пробивается в научные журналы, причем публикуются китайские авторы преимущественно на английском языке.

Можно сколько угодно иронизировать над качеством этого языка, но тем не менее публикации проходят процедуру рецензирования и попадают

в международные журналы. Так в 2020 году по психологической тематике китайскими авторами опубликовано 770 статей. Таким образом, Китай приближается к десятой доле всех психологических публикаций. При этом на китайском языке из них написано только 28 единиц. Можно заметить, что КНР отказались от тактики продвижения китайского языка в международные базы. Самими китайскими авторами эта ситуация хорошо отражена (Junping, Rongying, Siluo, Ke, 2017). Таким образом, Китай не создает отдельного языкового кластера в рамках WoS.

Выводы:

1. В международной библиометрической базе Web of Science core collection в течение последних как минимум пяти лет складывается относительно замкнутый кластер русскоязычных публикаций в области психологии;
2. Данное явление стоит рассматривать как культурный феномен, являющийся следствием научных традиций отечественной психологии и реакцией на административное давление;
3. Аналогичные процессы характерны для психологических публикаций, выходящих на испанском языке.

Литература

Двойнин А.М. Кризис в психологии или кризис идентичности российских психологов? // Психологический журнал. 2015. Т. 36. № 6. С. 94-107.

Зуев К.Б. Культура научных публикаций в России и западных странах на примере психологии // Инициативы XXI века. 2016. № 3-4. С. 57-60.

Зуев К.Б., Нестик Т.А. Библиометрический анализ развития основных направлений психологических исследований (по данным WoS и статисти-

стике поисковых запросов google) // Психологическое знание: Современное состояние и перспективы развития / под ред. А.Л. Журавлева, А.В. Юревича. М.: Изд-во «Институт психологии РАН», 2018, С. 671-697.

Коннов В.И. Социально-психологические основы национальной исследовательской культуры // Психологический журнал. 2014. Т. 35, №5. С. 19-27.

Корнилова Т.В. Интернациональность психологии versus «национальные психологии» // Психологический журнал. 2015. Т. 36. № 3. С. 91-99

Солдатова Г.У. Цифровая социализация в культурно-исторической парадигме: изменяющийся ребенок в изменяющемся мире // Социальная психология и общество. 2018. Т.9. №3. С. 71-80.

Юревич А.В. Имеет ли наука национальные особенности? // Психологический журнал. 2015. Т. 36. №1. С. 123-132.

Юревич А.В., Юревич М.А. Наукометрические показатели научной продуктивности и их форсирование в российском психологическом сообществе // Психологические исследования. 2016. Т. 9. № 46. С. 11. <http://psystudy.ru>

Ato M., López-García J.J., Benavente A. (2013). Un sistema de clasificación de los diseños de investigación en psicología. *Anales de Psicología*, 29(3). doi:10.6018/analesps.29.3.178511

Hick D., Wouters P., Waltman L. et al. (2015). Bibliometrics: The Leiden Manifesto for research metrics. *Nature* 520, 429-431. <https://doi.org/10.1038/520429a>

Junping Q., Rongying Z., Siluo Y., Ke D. (2017). *Informetrics: Theory, Methods and Applications* Springer. DOI: 10.1007/978-981-10-4032-0

Статья поступила в редакцию 26.08.2021.

MODERN RUSSIAN PSYCHOLOGY IN THE INTERNATIONAL BIBLIOMETRIC SPACE

© Zuev K.B.

Institute of Psychology, Russian Academy of Sciences; Moscow; Russia
zuevkb@ipran.ru

The article discusses tendencies in representation of Russian psychology in the international bibliometric space. We consider the Russian academic journals included in the regional database RSCI of the Web of Science (WoS). The data revealed journals affiliated to the Moscow State Psychological and Pedagogical University dominates the RSCI database. We also examined languages Russian authors prefer to publish their works, as well as countries and languages of authors citing Russians. Evidently, Russian psychology publications form a relatively isolated cluster in WoS, as Russian articles are cited mainly by Russians. This situation may be explained by the present culture of scientific publications in Russia, in addition to administrative pressure. Apparently, there is at least one similar regional language publication cluster: Spanish. Concurrently, China actively developing scientifically encourages scientists to publish in English.

Keywords: psychological sciences, scientific publications, scientometric databases, bibliometric databases, citation indexes

REFERENCES

- Dvojnin A.M.* (2015). Krizis v psixologii ili krizis identichnosti rossijskix psixologov? // Psixologicheskij zhurnal. V. 36. № 6. P. 94-107.
- Zuev K.B.* (2016). Kul'tura nauchny`x publikacij v Rossii i zapadny`x stranax na primere psixologii // Inicijativy` XXI veka. № 3-4. P. 57-60.
- Zuev K.B., Nestik T.A.* (2018). Bibliometricheskij analiz razvitiya osnovny`x napravlenij psixologicheskix issledovanij (po dannym WoS i statistike poiskovy`x zaprosov google) // Psixologicheskoe znanie: Sovremennoe sostoyanie i perspektivy` razvitiya / pod red. A.L. Zhuravleva, A.V. Yurevicha. M.: Izd-vo «Institut psixologii RAN». P. 671-697.
- Konnov V.I.* (2014). Social'no-psixologicheskie osnovy` nacional'noj issledovatel'skoj kul'tury` // Psixologicheskij zhurnal. V. 35. №5. P. 19-27
- Kornilova T.V.* (2015). Internacional'nost' psixologii versus «nacional'ny'e psixologii» // Psixologicheskij zhurnal, V. 36. № 3. P. 91-99
- Soldatova G.U.* (2018). Cifrovaya socializaciya v kul'turno-istoricheskoy paradigme: izmenyayushhij-sya rebenok v izmenyayushhemsya mire // Social'naya psixologiya i obshhestvo. V.9. №3. P. 71-80.
- Yurevich A.V.* (2015). Imeet li nauka nacional'ny'e osobennosti? // Psixologicheskij zhurnal, V. 36. №1. P. 123-132.
- Yurevich A.V., Yurevich M.A.* (2016). Naukometricheskie pokazateli nauchnoj produktivnosti i ix forsirovaniye v rossijskom psixologicheskom soobshhestve // Psixologicheskije issledovaniya. V. 9. № 46. P. 11. <http://psystudy.ru>
- Ato M., López-García J.J., Benavente A.* (2013). Un sistema de clasificación de los diseños de investigación en psicología. *Anales de Psicología*, 29(3). doi:10.6018/analesps.29.3.178511
- Hicks D., Wouters P., Waltman L. et al.* (2015). Bibliometrics: The Leiden Manifesto for research metrics. *Nature* 520, 429–431. <https://doi.org/10.1038/520429a>
- Junping Q., Rongying Z., Siluo Y., Ke D.* (2017). *Informetrics: Theory, Methods and Applications* Springer. DOI: 10.1007/978-981-10-4032-0

The article was received 26.08.2021.

История психологии

НЕПОДНЯТАЯ ЦЕЛИНА: ОБЗОР ЗАРУБЕЖНЫХ ПУБЛИКАЦИЙ 1930-1950-Х ГГ. О СОВЕТСКОЙ ПСИХОЛОГИИ

© Богданчиков С.А.

к.пс.н., Академия социального управления, г. Москва, Россия
bogdanchsa@gmail.com

В статье проводится анализ зарубежной историографии истории советской психологии. Рассматриваются работы зарубежных авторов о советской психологии, опубликованные в 1930-1950-е годы – статьи, рецензии и монографии Р. Бауэра, И.Д. Лондона, Г. Разрана и Б. Саймона. Делается вывод о высокой значимости и продуктивности дальнейших исследований в этой малоисследованной области.

Ключевые слова: история советской психологии, зарубежная историография психологии, период 1930-1950-х годов, научные монографии и рецензии, Р. Бауэр, И.Д. Лондон, Г. Разран, Б. Саймон

Если зарубежная историография истории советской или шире – российской психологии – это своего рода зеркало, то весьма непростой и обоюдоострый по своей сути вопрос заключается в том, можем ли мы с помощью этого зеркала узнать о себе и о своей истории нечто новое – то, чего мы не знали раньше? Вопрос, действительно, обоюдоострый – претензии можно предъявлять и к зеркалу, и к себе. Если же зарубежную историографию определять как «взгляд со стороны», то вопрос заключается в том, нужен ли нам этот взгляд (а если нужен, то зачем именно)?

Данная проблема имеет собственную историю, корнями, уходящими в далекое советское прошлое. В этой связи стоит напомнить о том, что еще в конце 1980-х гг., в условиях всеобщей перестройки и гласности, А.Н. Ждан подчеркивала: «Особенно в связи с активизацией интереса зарубежных психологов к советской науке необходимо осмысление интерпретаций советской психологии за рубежом. Пока можно говорить лишь об отдельных работах советских психологов в этом направлении» (Ждан, 1988, С. 10).

Нетрудно убедиться, что и сегодня, то есть тридцать лет спустя, в деле осмысления (а также, добавим, освоения) зарубежной историографии

истории советской психологии у нас мало что изменилось. Приведем несколько характерных высказываний на эту тему, хронологически относящихся уже к двадцать первому веку.

И.А. Мироненко в 2007 г. недвусмысленно заявляла, что «в сознании зарубежных коллег отечественная психология представлена скорее в форме географического понятия», что «отечественные авторы практически не цитируются, не упоминаются в известных периодических изданиях», что в глазах мирового научного сообщества отечественная школа как собственно научная школа «не воспринимается, ее не только нет, но и не было», для полноты картины добавляя при этом, что и «в сознании отечественного профессионального сообщества существование отечественной психологии как самобытной школы сегодня тоже не является фактом» (Мироненко, 2007, С. 250-251; Мироненко, 2012, 2015, 2017).

А.Н. Ждан, выступая в 2009 г. на пятых «Московских встречах» по истории психологии, пришла к столь же неутешительному выводу: «В трудах по истории психологии зарубежных авторов отечественная мысль, как правило, не освещается, а если и представлена, то лишь несколькими име-

нами, к тому же часто неадекватно рассматриваемыми. ... В связи с этим можно констатировать, что за рубежом нашу науку не знают» (Ждан, 2010, С. 33-34).

Е.В. Левченко в 2010 г. в статье о прошлом и будущем нашей (советской, российской) психологии с той же минорной интонацией формулировала непростые вопросы об отношении зарубежных ученых к нашей психологии: «Интерес к российской психологии у зарубежных коллег значительно ниже, чем встречный. В чем причины складывающейся асимметрии во взаимодействии российского и мирового психологических сообществ? Всегда ли она имела место? Как ее преодолеть и возможно ли это?» (Левченко, 2010, С. 38).

И все же непосредственным стимулом взяться за дело для нас послужила опубликованная в 2021 году в «Психологическом журнале» статья О.А. Артемьевой (Артемьева, 2021). В этой статье была предпринята попытка перейти от общих рассуждений к конкретному анализу некоторых наиболее значимых зарубежных работ – монографий Р.А. Бауэра (Bauer, 1952), Л. Грэхэма (Graham, 1972), Л. Рамани (Rahmani, 1973), А. Козулина (Kozulin, 1984) и Д. Джоравски (Joravsky, 1989), посвященных советской психологии и ее истории.

Именно при ознакомлении с этой статьей у нас сформировалась устойчивая метафора зарубежной историографии советской психологии как необъятной, непонятой и до сих пор почему-то неподнятой – и потому зовущей к себе – целины (что и дало название нашей статье). Другими словами, нашу статью следует рассматривать не как критическую реплику по отношению к содержанию указанной статьи (Артемьева, 2021), но как ее дополнение и непосредственное продолжение.

Чтобы как можно более конкретно подойти к поставленной проблеме – к исследованию отражения советской психологии и ее истории в зарубежной историографии, прежде всего необходимо, с нашей точки зрения, определиться с эмпирией, то есть с доступными для анализа первоисточниками.

Представленное здесь в форме краткого обзора литературы, наше исследование с неизбежностью носит отчетливый предварительный характер, во-

первых, ввиду большого количества обнаруженных источников, во-вторых, ввиду их полной неизученности, вследствие чего мы не ставим перед собой задачи дать полный, исчерпывающий список всех зарубежных публикаций, так или иначе посвященных советской психологии и ее истории. Тем более на данном – начальном – этапе исследования мы не ставим перед собой задачи все найденные источники досконально проанализировать. В данном случае наша задача является достаточно скромной. Мы лишь укажем наиболее важные, с нашей точки зрения, публикации наиболее значимых зарубежных авторов (мы не удивимся, если при ближайшем рассмотрении публикации эти окажутся наименее известными или даже вовсе неизвестными для отечественной историографии советской психологии). Не исключено, что в самом процессе изучения зарубежными исследователями истории советской психологии нам в конечном итоге удастся выявить определенные значимые факторы, закономерности и тенденции.

Для реализации поставленной задачи мы будем при изложении материала идти хронологически – по десятилетиям, в данной статье ограничившись периодом 1930-1950-х гг. В итоге мы должны, как минимум («в сухом остатке»), получить представление о ведущих исследователях истории советской психологии и об их столь же значимых публикациях в эти три десятилетия.

В 1930-1950-е гг. авторами наиболее значимых работ (отдельных статей, рецензий, монографий, сборников) о советской психологии и ее истории были Р. Бауэр (R. Bauer) (1916-1977), И.Д. Лондон (I.D. London) (1913-1983), Г. Разран (G. Razran) (1901-1973) и Б. Саймон (B. Simon) (1915-2002). Деятельность этих исследователей была многогранна – они писали книги и статьи о советской психологии, переводили работы советских психологов (или редактировали переводы), писали рецензии на работы советских авторов, а также рецензии на работы друг друга.

При рассмотрении периода 1930-х годов большой интерес в настоящее время представляет опубликованный в январе 1935 г. отчет Г. Разрана о своей поездке в СССР (Razran, 1935). С этим отчетом Г. Разран выступил в сентябре 1934 г. на

одном из дискуссионных заседаний Американской психологической ассоциации. В этой публикации Г. Разран рассказывает о своем шестинедельном пребывании в СССР летом 1934 года. В частности, он выражает благодарность за гостеприимство советским ученым-психологам – В.М. Боровскому, И.Н. Шпильрейну и С.Г. Геллерштейну. Также примечательны пять ключевых проблем, выделенных Г. Разраном при описании положения дел в советской психологии: «Общий подход, методология и философия»; «Речь и мышление, память и интеллект»; «Дифференциальная психология и тестирование»; «Обуславливание (речь идет о теории И.П. Павлова. – С.Б.) и зоопсихология»; «Аномальная и социальная психология».

Резюмируя, Г. Разран подчеркнул: «Еще совсем несколько лет назад диалектическая психология была в значительной степени теоретической и философской. Она обсуждала проблемы тела и разума, искала тезисы и антитезисы, цитировала Маркса, Энгельса и Ленина. На практике она многое заимствовала из американской и немецкой психологии, часто не придавая большого значения тому, соответствуют ли заимствованные методы, методики и даже интерпретации ее собственным философским принципам и социальным целям. Теперь это изменилось. Диалектическая психология стала целостной, независимой, всеобъемлющей системой с уникальным набором проблем и соответствующими техниками и методами. Ее основными принципами являются материализм, диалектика, психологические уровни и, прежде всего, акцент на социальном, а не на индивидуальном аспекте поведения» (Razran, 1935, С. 23).

В каком-то смысле продолжением этой публикации можно считать небольшую заметку, опубликованную Г. Разраном в 1937 г. (Razran, 1937). Речь в ней идет о процентном соотношении психологических статей, опубликованных на русском языке за десять лет (1926-1935). По подсчетам Г. Разрана, «не менее 15% мировой психологической литературы в настоящее время публикуется на русском языке, и этот процент может достигать 20-25%» (Razran, 1937).

Переходя к следующему десятилетию, среди публикаций 1940-х годов прежде всего выделим две статьи С.Л. Рубинштейна, вышедшие на английском языке в 1944 (Rubenstein, 1944) и 1946 гг. (Rubenstein, 1946). Первая статья представляет собой перевод на английский язык опубликованной в 1943 г. статьи С.Л. Рубинштейна «Советская психология в условиях Великой Отечественной войны» (Рубинштейн, 1943). Вторая статья является переводом на английский язык опубликованной в 1945 г. статьи С.Л. Рубинштейна «Проблема сознания в свете диалектического материализма (к философским основам психологии)» (Рубинштейн, 1945). Подчеркнем, что какие-либо упоминания об этих двух переводных работах в списке работ С.Л. Рубинштейна отсутствуют.

Большой интерес представляет небольшая (буквально на полстраницы) заметка Г. Разрана, опубликованная в журнале «Science» в 1942 г. (Razran, 1942). Г. Разран пишет о том, что он «получил письмо, датированное 25 мая 1942 года, от профессора Александра Р. Лурии, выдающегося российского психолога», который «сейчас находится в Челябинской области в Уральских горах. Он руководит клиникой для реабилитации людей, получивших травмы головного мозга во время войны. Он пишет, что он и его коллеги очень нуждаются в оттисках недавних оригинальных американских публикаций в области патологии мозга и аномальной психологии, особенно тех, которые касаются переобучения и нейрохирургии. Он хотел бы получить такой материал как можно скорее». Г. Разран указывает почтовый адрес А.Р. Лурии («Нейрохирургическая реабилитационная клиника ВИЭМ, Санаторий Кисегач, Челябинская область, СССР») и выражает надежду на то, что «американские ученые, располагающие соответствующими материалами, прислушаются к этому призыву».

Среди англоязычных публикаций 1940-х годов также обратим внимание на две рецензии на первое издание учебника Б.М. Теплова «Психология» для средних школ (Теплов, 1946). Обе рецензии вышли в начале 1947 г. в журнале «Synthese» (Smirnov, 1947; Teplov, 1947). Особо отметим, что автором первой рецензии был А.А. Смирнов. Он

же затем опубликовал (под названием «Хороший учебник») рецензию на этот учебник Б.М. Теплова в «Учительской газете» (Смирнов, 1946). Учебник Б.М. Теплова действительно оказался хорошим и в последующем выдержал восемь изданий (в 1946-1954 гг.). Кроме того, учебник был переведен и неоднократно издавался в эти же годы в целом ряде стран социалистического содружества – в Чехословакии, Болгарии, Венгрии, Польше, ГДР и Китае.

Интересной библиографической находкой является опубликованная в 1951 г. на немецком языке большая статья Б.М. Теплова «Краткая история советской психологии» (Teplov, 1951). Вопрос о том, в какой степени данная статья содержательно (а также «интонационно», по расставляемым при изложении акцентам и оценкам) совпадает со стенограммой публичной лекции и тезисами доклада Б.М. Теплова, опубликованными к тридцатилетию советской психологии четырьмя годами ранее (Теплов, 1947а, б), ввиду своей важности заслуживает отдельного изучения.

В 1951 г. вышли две статьи Ивана Д. Лондона – «Психология в СССР» и «Современная психология в Советском Союзе» (London, 1951а, б), во многом задавшие тон, стилистику и образец для последующих публикаций зарубежных (главным образом американских) исследователей о советской психологии.

В 1952 г. в США вышла книга Раймонда Бауэра «Новый человек в советской психологии» (Bauer, 1952). Книга явилась одним из результатов большой работы по изучению Советского Союза, организованной в США в условиях холодной войны. В свое время, то есть в 1950-е годы, для советского читателя эта книга оказалась практически незамеченной. А были ли рецензии на эту книгу советских авторов? В 1952-1953 гг. в СССР это было невозможно даже представить.

Всего нам удалось обнаружить шесть рецензий на книгу Р. Бауэра, опубликованных в США в 1952-1953 гг. Их авторами были Дж. Ф. Браун (Brown, 1952), Уильям Гантт (Gantt, 1953), Леопольд Хеймсон (Haimson, 1953), Уильям Иттelson (Ittelson, 1953), Маргарет Маркхэм (Markham, 1953) и Марианне Л. Зиммель (Simmel, 1953).

К этому списку следует добавить еще три рецензии, вышедшие несколько позже во Франции и Германии: это вышедшая в начале 1954 года на французском языке рецензия Поля Фресса (Fraisse, 1954), а также две рецензии на немецком языке – «Человек из реторты» (Bauer, 1953) и опубликованная в 1958 году рецензия Эрика Бёттхера (Boettcher, 1958) на книгу Р. Бауэра, вышедшую в 1955 году на немецком языке.

Судя по указанным рецензиям, книга Раймонда Бауэра вызвала большой интерес и весьма положительные оценки. Мы со своей стороны рекомендуем обратить также внимание на предисловие Джерома Брунера к книге Р. Бауэра. Свое предисловие Д. Брунер заканчивает словами: «Г-н Бауэр оказал услугу не только своим коллегам-психологам, но и широкому кругу читателей, интересующихся советскими делами. Ибо эта книга – одновременно очерк психологической истории и исследование политического контроля. Если мы хотим понять истоки советских действий, чтобы реагировать на Россию как на нечто большее, чем на ширму, на которую мы проецируем наши страхи или чаяния, нам придется все больше полагаться на широкую ученость, гуманную чувствительность и живой интеллект, которыми наполнена эта книга. Г-н Бауэру удалось применить к своему предмету зрелое знание как психологии, так и советской истории и идеологии, а также понимание места идей в сфере действия» (Bauer, 1952, С. 23).

Из других публикаций 1950-х гг. укажем еще вышедшую в 1957 г. на французском языке статью А.А. Смирнова «Успехи в учебе и проблемы психологии» (Smirnov, 1957).

Здесь же следует упомянуть вышедшую в 1957 г. статью Г. Разрана «Советская психология после 1950 года» (Razran, 1957), а также написанный им некролог – в связи с кончиной «психолога-теоретика и экспериментатора» К.Н. Корнилова (Razran, 1958). На протяжении 1940-1950-х гг. Г. Разран основное внимание уделял учению И.П. Павлова, о чем свидетельствует ряд его статей, которые с определенными оговорками и уточнениями также следует учитывать при изучении истории и историографии советской психологии (Razran, 1939-1959). Наибольший интерес с точки зрения истории психологии здесь представляет,

пожалуй, статья «Психология и психофизиология» (Razran, 1958), в которой Г. Разран рассматривает жизненно важный в то время для всех советских психологов вопрос о соотношении психологии и психофизиологии. Любопытный штрих: в начале статьи Г. Разран рассказывает о том, как, будучи с научным визитом в 1934 г. в СССР, он встречался с И.П. Павловым и брал у него интервью. Беседа длилась, как вспоминает Г. Разран, около трех часов (Razran, 1958, С. 1187).

Наряду с книгой Р. Бауэра (Bauer, 1952), в 1950-е гг. одной из значимых публикаций стала вышедшая в 1957 г. под редакцией Б. Саймона книга «Психология в Советском Союзе» (Simon, 1957). Фактически данная книга представляет собой сборник переводов ряда работ советских авторов: в сборник вошли работы Б.Г. Ананьева, Д.Н. Богдавленского, Е.И. Бойко, П.Я. Гальперина, Л.В. Занкова, А.В. Запорожца, А.Н. Леонтьева, А.Р. Лурии, А.А. Люблинской, Н.А. Менчинской, Е.А. Милеряна, Т.В. Розановой, С.Л. Рубинштейна, Л.С. Славиной, А.А. Смирнова, Е.Н. Соколова, Б.М. Теплова, Л.А. Шварц и Д.Б. Эльконина.

О значимости этого сборника для зарубежных психологов свидетельствует количество рецензий, а также содержащиеся в рецензиях констатации и оценки. Мы обнаружили шесть рецензий, опубликованных в США в 1957-1958 гг. (Boguslavsky, 1957; Eysenck, 1957; Hans, 1957; Nastorf, 1958; Hindley, 1957; Zirkle, 1958). Наиболее сильное впечатление среди них производит короткая, но разгромная рецензия Ганса Айзенка.

В частности, Г. Айзенк отмечал: «... Книга содержит большое количество материала, который либо не имеет отношения к делу, либо его невозможно оценить. Представлено много теоретических дискуссий, на самом элементарном уровне, в которых обсуждаются философские вопросы, которые могли бы представлять интерес пятьдесят лет назад. Политические вторжения и преклонения перед Павловым часты и сильно раздражают. Повторяются краткие резюме больших областей работы, которые настолько сокращены, что они почти полностью бессмысленны. Когда иногда сообщается об оригинальных исследованиях, они

привлекают атмосферой новизны, но отчеты никогда не дают достаточной детализации, чтобы можно было оценить результаты» (Eysenck, 1957).

Подводя итоги, Г. Айзенк не без едкого сарказма констатировал: «В целом эта книга очень разочаровывает, хотя для профессионального психолога она все же содержит достаточно много интересного материала, чтобы оправдать ее прочтение. Не исключено, что недостатки книги отражают недостатки советской психологии; если это так, то редактора и профессора Смирнова следует поздравить с тем, что они дали нам столь верное зеркало советской психологии. Однако мои собственные контакты с российскими психологами приводят меня к убеждению, что данная книга – скорее карикатура, чем точная картина, и что это предприятие придется повторить кому-то, кто лучше подготовлен, чтобы отделить зерна от плевел» (Eysenck, 1957).

Из рассмотренных выше материалов можно сделать вывод, что зарубежная (главным образом – американская) историография истории советской психологии в настоящее время действительно представляет собой, метафорически выражаясь, не паханное поле, еще не поднятую целину. И на этой необъятной, не понятой и не освоенной целине нам предстоит еще сделать много открытий и полезных находок. Вспоминая известную русскую поговорку, не будем пенять на зеркало. Давайте в него лучше всмотримся.

Литература

Артемова О.А. К 70-летию Павловской сессии: американская историография советской психологии // Психологический журнал. 2021. Т. 42. № 1. С. 122-131.

Будилова Е.А. Борьба материализма и идеализма в русской психологической науке (вторая половина XIX – начало XX в.). М.: Изд-во АН СССР, 1960.

Ждан А.Н. Состояние и актуальные задачи истории психологии в СССР // Изучение традиций и научных школ в истории советской психологии / под ред. А.Н. Ждан. М., 1988. С. 4-13.

Ждан А.Н. Национальное начало в развитии науки: исследовательские традиции отечественной психологии в сопоставлении с всемирной психологической мыслью // История отечественной и мировой психологической мысли: ценить прошлое, любить настоящее, верить в будущее: материалы междунар. конф. по истории психологии «V Московские встречи», 30 июня – 03 июля 2009 г. / отв. ред. А.Л. Журавлев, В.А. Кольцова, Ю.Н. Олейник. М.: Изд-во «Ин-т психологии РАН», 2010. С. 32-36.

Левченко Е.В. О прошлом и будущем российской советской психологии // Вестник Ленинградского университета им. А.С. Пушкина. 2010. № 4. С. 32-42.

Лурия А.Р. О сборнике статей американских психологов «Некоторые впечатления о советской психологии» (Нью-Йорк, 1962) // Вопросы психологии. 1963. № 3. С. 147-148.

Мироненко И.А. Отечественная психология и вызов современности // Теория и методология психологии: Постнеклассическая перспектива / отв. ред.: А.Л. Журавлев, А.В. Юревич. М.: Изд-во «Ин-т психологии РАН», 2007. С. 249-267.

Мироненко И.А. Современная российская психология в контексте мировой психологической науки // Вопросы психологии. 2012. № 3. С. 44-50.

Мироненко И.А. Российская психология в пространстве мировой науки. СПб.: Нестор-История, 2015.

Мироненко И.А. От прогноза – к форсайту будущего российской психологии // Психологический журнал. 2017. Т. 38. № 4. С. 119-123.

Рубинштейн С.Л. Советская психология в условиях Великой Отечественной войны // Под знаменем марксизма. 1943. № 9-10. С. 45-61.

Рубинштейн С.Л. Проблема сознания в свете диалектического материализма (к философским основам психологии)¹ // Известия АН СССР. Серия истории и философии. 1945. Т. 2. № 3. С. 148-158.

Смирнов А.А. Хороший учебник [Рецензия на книгу: *Теплов Б. М.* Психология: учебник для средней школы. М.: ОГИЗ, 1946.] // Учительская газета. 1946. 14 декабря.

Теплов Б.М. Психология: Учебник для средней школы. М.: ОГИЗ, 1946.

Теплов Б.М. Советская психологическая наука за 30 лет. М.: Правда, 1947. (Стенограмма публичной лекции, прочитанной 13 октября 1947 г. в Доме Союзов в Москве).

Теплов Б.М. Тридцать лет советской психологической науке // Сессия АПН РСФСР, посвященная 30-летию Великой Октябрьской социалистической революции. Тезисы докладов. Отдельный оттиск: доклад Б. М. Теплова. М., 1947.

Bauer R. (1952). *The New Man in Soviet Psychology*. Cambridge: Harvard University Press.

Bauer Raymond A. (1955). *Der neue Mensch in der sowjetischen Psychologie*. Christian-Verlag, Bad Nauheim.

Boettche E. (1958). *Der neue Mensch in der sowjetischen Psychologie* by Raymond A. Bauer // *Ost-europa*, Vol. 8, № 1 (Januar 1958). P. 68-69.

Boguslavsky George W. (1957). *Reviewed Work: Psychology in the Soviet Union* by J. Ellis, M. Ellis, H. Milne, J. McLeish, N. Parsons and Brian Simon // *Science, New Series*, Vol. 126, № 3282 (Nov. 22, 1957). P. 1072.

Brown J. (1952). *The New Man in Soviet Psychology* by Raymond A. Bauer // *The Annals of the American Academy of Political and Social Science*, Vol. 283, *Meaning of the 1952 Presidential Election* (Sep., 1952). P. 222-223.

Der Mensch aus der Retorte. *Reviewed Work: «The New Man in Soviet Psychology»* by Raymond A. Bauer // *Ost-Probleme*, Vol. 5. № 29 (16. Juli 1953). P. 1230-1232.

Eysenck H.J. (1957). *Review: Soviet Psychology*. – *Reviewed Work: Psychology In The Soviet Union* by Brian Simon // *The British Medical Journal*, Vol. 2, No. 5043 (Aug. 31, 1957). P. 512.

Fraisse P. (1954). *L'Homme nouveau dans la psychologie soviétique* (*The new man in Soviet Psychology*) by R. A. Bauer // *Esprit, Nouvelle série*, № 211 (2) (Février 1954). P. 305-309.

Gantt W. (1953). *The New Man in Soviet Psychology* by Raymond A. Bauer // *American Slavic and East European Review*, Vol. 12, № 3 (Oct., 1953). P. 412-414.

¹ Доклад на заседании Отделения истории и философии АН СССР 18 июня 1945 г., посвященном 220-летию Академии Наук.

- Graham L.R.* (1972). Science and Philosophy in the Soviet Union. N.Y.: Knopf.
- Haimson L.* (1953). Soviet Psychology and the Soviet Conception of Man // *World Politics*, Vol. 5, № 3 (Apr., 1953). P. 414-421.
- Hans N.* (1957). Reviewed Work: Psychology in the Soviet Union by Brian Simon // *British Journal of Educational Studies*, Vol. 6, № 1 (Nov., 1957). P. 91-92.
- Hastorf Albert H.* (1958). Review: Current Trends. - Reviewed Work: Psychology in the Soviet Union by Brian Simon // *The Journal of Higher Education*, Vol. 29, № 7 (Oct., 1958). P. 405.
- Hindley Colin B.* (1957). Reviewed Work: Psychology in the Soviet Union by Brian Simon // *The British Journal of Delinquency*, Vol. 8, № 2 (October, 1957). P. 151-152.
- Joravsky D.* (1989). *Russian Psychology. A Critical History*. Oxford: Basil Blackwell.
- Ittelson W.* (1953). The New Man in Soviet Psychology by Raymond A. Bauer // *The Russian Review*, Vol. 12, № 1 (Jan., 1953). P. 51-52.
- Kozulin A.* (1984). *Psychology in Utopia: Toward a Social History of Soviet Psychology*. Cambridge (Mass.); L.: The MIT Press.
- London Ivan D.* (1951). Psychology in the USSR // *The American Journal of Psychology*, Vol. 64, № 3 (Jul., 1951). P. 422-428.
- London Ivan D.* (1951). Contemporary Psychology in the Soviet Union // *Science*, Aug. 31, 1951, New Series, Vol. 114, № 2957 (Aug. 31, 1951). P. 227-233.
- Markham M.* (1953). Recent Western Books on Soviet Psychology // *Soviet Studies*, Vol. 5, № 2 (Oct., 1953). P. 184-192.
- Pick H.* (1965). Some Views on Soviet Psychology by R. A. Bauer // *The American Journal of Psychology*, Vol. 78, № 2 (Jun., 1965). P. 331-333.
- Psychology in the Soviet Union, edited with an introduction by Brian Simon. Stanford: Stanford University Press, 1957.
- Rahmani L.* (1973). *Soviet Psychology. Philosophical, Theoretical and Experimental Issues*. N.Y.: International Universities Press.
- Razran G.* (1935). Psychology in the U.S.S.R // *The Journal of Philosophy*, Vol. 32, № 1 (Jan. 3, 1935). P. 19-24.
- Razran G.* (1937). The Number of Articles of Psychological Interest Published in the Russian Language // *The American Journal of Psychology*, Vol. 49, № 2 (Apr., 1937). P. 316.
- Razran Gregory S.* (1942). Offprints for the Scientific Men of Soviet Russia // *Science, New Series*, Vol. 96, № 2488 (Sep. 4, 1942). P. 231.
- Razran G. H. S.* (1939). A Quantitative Study of Meaning by a Conditioned Salivary Technique (Semantic Conditioning) // *Science, New Series*, Vol. 90, № 2326 (Jul. 28, 1939). P. 89-90.
- Razran G. H. S.* (1939). A Simple Technique for Controlling Subjective Attitudes in Salivary Conditioning of Adult Human Subjects // *Science, New Series*, Vol. 89, № 2303 (Feb. 17, 1939). P. 160-161.
- Razran G. H. S.* (1939). Extinction, Spontaneous Recovery, and Forgetting // *The American Journal of Psychology*, Jan., 1939, Vol. 52, № 1 (Jan., 1939). P. 100-102.
- Razran G.* (1949). Sentential and Propositional Generalizations of Salivary Conditioning to Verbal Stimuli // *Science*, Apr. 29, 1949, New Series, Vol. 109, № 2835 (Apr. 29, 1949). P. 447-448.
- Razran G.* (1949). Some Psychological Factors in the Generalization of Salivary Conditioning to Verbal Stimuli // *The American Journal of Psychology*, Apr., 1949, Vol. 62, № 2 (Apr., 1949). P. 247-256.
- Razran G.* (1955). Operant vs. Classical Conditioning // *The American Journal of Psychology*, Sep., 1955, Vol. 68, № 3 (Sep., 1955). P. 489-490.
- Razran G.* (1956). Avoidant vs. Unavoidant Conditioning and Partial Reinforcement in Russian Laboratories // *The American Journal of Psychology*, Mar., 1956, Vol. 69, № 1 (Mar., 1956). P. 127-129.
- Razran G.* (1957). Soviet Psychology Since 1950 // *Science, New Series*, Vol. 126, № 3283 (Nov. 29, 1957). P. 1100-1107.
- Razran G.* (1958). K.N. Kornilov, Theoretical and Experimental Psychologist // *Science, New Series*, Vol. 128, № 3315 (Jul. 11, 1958). P. 74-75.
- Razran G.* (1958). Pavlov and Lamarck // *Science*, Oct. 3, 1958, New Series, Vol. 128, № 3327 (Oct. 3, 1958). P. 758-760.
- Razran G.* (1958). Reviewed Work: Experimental Psychology and Other Essays by I.P. Pavlov // *The American Journal of Psychology*, Vol. 71, № 2 (Jun., 1958). P. 465-469.

Razran G. (1958). Soviet Psychology and Psychophysiology // Science, New Series, Vol. 128, № 3333 (Nov. 14, 1958). P. 1187-1194.

Razran G. (1959). Pavlov the Empiricist // Science, Oct. 9, 1959, New Series, Vol. 130, № 3380 (Oct. 9, 1959). P. 916-917.

Razran G. (1959). Reviewed Work: Psychology in the Soviet Union. by Brian Simon // The American Slavic and East European Review, Vol. 18, № 2 (Apr., 1959). P. 255-256.

Razran G. (1959). Russian-English Transliteration // Science, New Series, Vol. 130, № 3374 (Aug. 28, 1959). P. 482-488.

Razran Gregory. Transliteration of Russian // Science, Apr. 24, 1959, New Series, Vol. 129, № 3356 (Apr. 24, 1959). P. 1111-1113.

Rubenstein S. (1944). Soviet Psychology in War-time // Philosophy and Phenomenological Research, Dec., 1944, Vol. 5, № 2, A First Symposium on Russian Philosophy and Psychology (Dec., 1944). P. 181-198.

Rubenstein S. (1946). Consciousness in the Light of Dialectical Materialism // Science & Society, Summer, 1946, Vol. 10, № 3 (Summer, 1946). P. 252-261.

Simmel M. (1953). The New Man in Soviet Psychology by Raymond A. Bauer // The American Journal of Psychology, Vol. 66, № 4 (Oct., 1953). P. 658-661.

Smirnov A.A. (1947). Reviewed Work: Psychology by B. M. Teplov // Synthese, Vol. 5, № 11/12 (Mar. - Apr., 1947). P. 503-505.

Smirnov A.A. (1957). Les réussites scolaires et les problèmes de la psychologie // International Review of Education / Internationale Zeitschrift für Erziehungswissenschaft / Revue Internationale de l'Education, Vol. 3, № 3 (1957). P. 308-321.

Review. – Reviewed Work: Psychology by B. M. Teplov // Synthese, Vol. 6, № 1/2 (May-Jun., 1947). P. 72-73.

Teplov B.M. (1951). Kurze Geschichte der Sowjetpsychologie // Ost-Probleme, Vol. 3, № 39 (29 September 1951). P. 1203-1214.

Zirkle C. (1958). Reviewed Work: Psychology in the Soviet Union by Brian Simon // The Annals of the American Academy of Political and Social Science, Vol. 316, A Crowding Hemisphere: Population Change in the Americas (Mar., 1958). P. 159-160.

Статья поступила в редакцию 18.09.2021.

NOT RAISED VIRGIN LAND: A REVIEW OF FOREIGN PUBLICATIONS OF THE 1930s-1950s ON SOVIET PSYCHOLOGY

©Bogdanchikov S.A.

Ph.D. (psychology), Academy of Social Management, Moscow, Russia
bogdanchsa@gmail.com

The article analyzes the foreign historiography of the history of Soviet psychology. The article considers the works of foreign authors on Soviet psychology published in the 1930s and 1950s—articles, reviews and monographs by R. Bauer, I. D. London, G. Razran and B. Simon. The conclusion is made about the high importance and productivity of further research in this little-studied area.

Keywords: history of Soviet psychology, foreign historiography of psychology, the period of the 1930s-1950s, scientific monographs and reviews, R. Bauer, I. D. London, G. Razran, B. Simon

REFERENCES

- Artem`eva O.A.* (2021). K 70-letiyu Pavlovskoj sessii: amerikanskaya istoriografiya sovetsoj psixologii // Psixologicheskij zhurnal. T. 42. № 1. P. 122-131.
- Budilova E.A.* (1960). Bor`ba materializma i idealizma v russoj psixologicheskoi nauke (vtoraya polovina XIX – nachalo XX v.). M.: Izd-vo AN SSSR.
- Zhdan A.N.* (1988). Sostoyanie i aktual`ny`e zadachi istorii psixologii v SSSR // Izuchenie tradicij i nauchny`x shkol v istorii sovetsoj psixologii / pod red. A.N. Zhdan. Moscow. P. 4-13.
- Zhdan A.N.* (2010). Nacional`noe nachalo v razvitii nauki: issledovatel`skie tradicii otechestvennoj psixologii v sopostavlenii s vsemirnoj psixologicheskoi my`sly // Istoriya otechestvennoj i mirovoj psixologicheskoi my`sli: ceni` proshloe, lyubit` nastoyashhee, verit` v budushhee: materialy` mezhdunar. konf. po istorii psixologii «V Moskovskie vstrechi», 30 iyunya – 03 iyulya 2009 g. / otv. red. A.L. Zhuravlev, V.A. Kol`czova, Yu.N. Olejnik. M.: Izd-vo «In-t psixologii RAN». P. 32-36.
- Levchenko E.V.* (2010). O proshlom i budushhem rossijskoj sovetsoj psixologii // Vestnik Leningradskogo universiteta im. A.S. Pushkina. № 4. P. 32-42.
- Luriya A.R.* (1963). O sbornike statej amerikanskix psixologov «Nekotory`e vpechatleniya o sovetsoj psixologii» (N`yu-Jork, 1962) // Voprosy` psixologii. № 3. P. 147-148.
- Mironenko I.A.* (2007). Otechestvennaya psixologiya i vy`zov sovremennosti // Teoriya i metodologiya psixologii: Postneklassicheskaya perspektiva / otv. red.: A.L. Zhuravlev, A.V. Yurevich. M.: Izd-vo «In-t psixologii RAN». P. 249-267.
- Mironenko I.A.* (2012). Sovremennaya rossijskaya psixologiya v kontekste mirovoj psixologicheskoi nauki // Voprosy` psixologii. № 3. P. 44-50.
- Mironenko I.A.* (2015). Rossijskaya psixologiya v prostranstve mirovoj nauki. SPb.: Nestor-Istoriya.
- Mironenko I.A.* (2017). Ot prognoza – k forsajtu budushhego rossijskoj psixologii // Psixologicheskij zhurnal. V. 38. № 4. P. 119-123.
- Rubinshtejn S.L.* (1943). Sovetskaya psixologiya v usloviyax Velikoj Otechestvennoj vojny` // Pod znamenem marksizma. № 9-10. P. 45-61.
- Rubinshtejn S.L.* (1945). Problema soznaniya v svete dialekticheskogo materializma (k filosofskim osnovam psixologii) // Izvestiya AN SSSR. Seriya istorii i filosofii. V.2. № 3. P. 148-158.
- Smirnov A.A.* (1946). Xoroshij uchebnik [Recenziya na knigu: Teplov B. M. Psixologiya: uchebnik dlya srednej shkoly`. M.: OGIZ, 1946.] // Uchitel`skaya gazeta. 14 dekabrya.
- Teplov B.M.* (1946). Psixologiya: Uchebnik dlya srednej shkoly`. M.: OGIZ.

- Teplov B.M.* (1947). *Sovetskaya psixologicheskaya nauka za 30 let*. M.: Pravda. (Stenogramma publichnoj lekcii, pročitannoj 13 oktyabrya 1947 v Dome Soyuzov v Moskve).
- Teplov B.M.* (1947). *Tridcat' let sovetskoj psixologicheskoy nauke* // *Sessiya APN RSFSR, posvyashennaya 30-letiyu Velikoj Oktyabr'skoj socialisticheskoy revolyucii. Tezisy dokladov. Otdel'nyj ottisk: doklad B. M. Teplova*. Moscow.
- Bauer R.* (1952). *The New Man in Soviet Psychology*. Cambridge: Harvard University Press.
- Bauer Raymond A.* (1955). *Der neue Mensch in der sowjetischen Psychologie*. Christian-Verlag, Bad Nauheim.
- Boettche E.* (1958). *Der neue Mensch in der sowjetischen Psychologie* by Raymond A. Bauer // *Ost-europa*, Vol. 8, № 1 (Januar 1958). P. 68-69.
- Boguslavsky George W.* (1957). *Reviewed Work: Psychology in the Soviet Union* by J. Ellis, M. Ellis, H. Milne, J. McLeish, N. Parsons and Brian Simon // *Science, New Series*, Vol. 126, № 3282 (Nov. 22, 1957). P. 1072.
- Brown J.* (1952). *The New Man in Soviet Psychology* by Raymond A. Bauer // *The Annals of the American Academy of Political and Social Science*, Vol. 283, *Meaning of the 1952 Presidential Election* (Sep., 1952). P. 222-223.
- Der Mensch aus der Retorte. Reviewed Work: «The New Man in Soviet Psychology»* by Raymond A. Bauer // *Ost-Probleme*, Vol. 5, № 29 (16. Juli 1953). P. 1230-1232.
- Eysenck H.J.* (1957). *Review: Soviet Psychology. – Reviewed Work: Psychology In The Soviet Union* by Brian Simon // *The British Medical Journal*, Vol. 2, No. 5043 (Aug. 31, 1957). P. 512.
- Fraisse P.* (1954). *L'Homme nouveau dans la psychologie soviétique (The new man in Soviet Psychology)* by R. A. Bauer // *Esprit, Nouvelle série*, № 211 (2) (Février 1954). P. 305-309.
- Gantt W.* (1953). *The New Man in Soviet Psychology* by Raymond A. Bauer // *American Slavic and East European Review*, Vol. 12, № 3 (Oct., 1953). P. 412-414.
- Graham L.R.* (1972). *Science and Philosophy in the Soviet Union*. N.Y.: Knopf.
- Haimson L.* (1953). *Soviet Psychology and the Soviet Conception of Man* // *World Politics*, Vol. 5, № 3 (Apr., 1953). P. 414-421.
- Hans N.* (1957). *Reviewed Work: Psychology in the Soviet Union* by Brian Simon // *British Journal of Educational Studies*, Vol. 6, № 1 (Nov., 1957). P. 91-92.
- Hastorf Albert H.* (1958). *Review: Current Trends. – Reviewed Work: Psychology in the Soviet Union* by Brian Simon // *The Journal of Higher Education*, Vol. 29, № 7 (Oct., 1958). P. 405.
- Hindley Colin B.* (1957). *Reviewed Work: Psychology in the Soviet Union* by Brian Simon // *The British Journal of Delinquency*, Vol. 8, № 2 (October, 1957). P. 151-152.
- Joravsky D.* (1989). *Russian Psychology. A Critical History*. Oxford: Basil Blackwell.
- Ittelson W.* (1953). *The New Man in Soviet Psychology* by Raymond A. Bauer // *The Russian Review*, Vol. 12, № 1 (Jan., 1953). P. 51-52.
- Kozulin A.* (1984). *Psychology in Utopia: Toward a Social History of Soviet Psychology*. Cambridge (Mass.); L.: The MIT Press.
- London Ivan D.* (1951). *Psychology in the USSR* // *The American Journal of Psychology*, Vol. 64, № 3 (Jul., 1951). P. 422-428.
- London Ivan D.* (1951). *Contemporary Psychology in the Soviet Union* // *Science*, Aug. 31, 1951, *New Series*, Vol. 114, № 2957 (Aug. 31, 1951). P. 227-233.
- Markham M.* (1953). *Recent Western Books on Soviet Psychology* // *Soviet Studies*, Vol. 5, № 2 (Oct., 1953). P. 184-192.
- Pick H.* (1965). *Some Views on Soviet Psychology* by R. A. Bauer // *The American Journal of Psychology*, Vol. 78, № 2 (Jun., 1965). P. 331-333.
- Psychology in the Soviet Union*, edited with an introduction by Brian Simon. Stanford: Stanford University Press, 1957.
- Rahmani L.* (1973). *Soviet Psychology. Philosophical, Theoretical and Experimental Issues*. N.Y.: International Universities Press.
- Razran G.* (1935). *Psychology in the U.S.S.R* // *The Journal of Philosophy*, Vol. 32, № 1 (Jan. 3, 1935). P. 19-24.
- Razran G.* (1937). *The Number of Articles of Psychological Interest Published in the Russian Language* // *The American Journal of Psychology*, Vol. 49, № 2 (Apr., 1937). P. 316.

- Razran Gregory S.* (1942). Offprints for the Scientific Men of Soviet Russia // Science, New Series, Vol. 96, № 2488 (Sep. 4, 1942). P. 231.
- Razran G. H. S.* (1939). A Quantitative Study of Meaning by a Conditioned Salivary Technique (Semantic Conditioning) // Science, New Series, Vol. 90, № 2326 (Jul. 28, 1939). P. 89-90.
- Razran G. H. S.* (1939). A Simple Technique for Controlling Subjective Attitudes in Salivary Conditioning of Adult Human Subjects // Science, New Series, Vol. 89, № 2303 (Feb. 17, 1939). P. 160-161.
- Razran G. H. S.* (1939). Extinction, Spontaneous Recovery, and Forgetting // The American Journal of Psychology, Jan., 1939, Vol. 52, № 1 (Jan., 1939). P. 100-102.
- Razran G.* (1949). Sentential and Propositional Generalizations of Salivary Conditioning to Verbal Stimuli // Science, Apr. 29, 1949, New Series, Vol. 109, № 2835 (Apr. 29, 1949). P. 447-448.
- Razran G.* (1949). Some Psychological Factors in the Generalization of Salivary Conditioning to Verbal Stimuli // The American Journal of Psychology, Apr., 1949, Vol. 62, № 2 (Apr., 1949). P. 247-256.
- Razran G.* (1955). Operant vs. Classical Conditioning // The American Journal of Psychology, Sep., 1955, Vol. 68, № 3 (Sep., 1955). P. 489-490.
- Razran G.* (1956). Avoidant vs. Unavoidant Conditioning and Partial Reinforcement in Russian Laboratories // The American Journal of Psychology, Mar., 1956, Vol. 69, № 1 (Mar., 1956). P. 127-129.
- Razran G.* (1957). Soviet Psychology Since 1950 // Science, New Series, Vol. 126, № 3283 (Nov. 29, 1957). P. 1100-1107.
- Razran G.* (1958). K.N. Kornilov, Theoretical and Experimental Psychologist // Science, New Series, Vol. 128, № 3315 (Jul. 11, 1958). P. 74-75.
- Razran G.* (1958). Pavlov and Lamarck // Science, Oct. 3, 1958, New Series, Vol. 128, № 3327 (Oct. 3, 1958). P. 758-760.
- Razran G.* (1958). Reviewed Work: Experimental Psychology and Other Essays by I.P. Pavlov // The American Journal of Psychology, Vol. 71, № 2 (Jun., 1958). P. 465-469.
- Razran G.* (1958). Soviet Psychology and Psychophysiology // Science, New Series, Vol. 128, № 3333 (Nov. 14, 1958). P. 1187-1194.
- Razran G.* (1959). Pavlov the Empiricist // Science, Oct. 9, 1959, New Series, Vol. 130, № 3380 (Oct. 9, 1959). P. 916-917.
- Razran G.* (1959). Reviewed Work: Psychology in the Soviet Union. by Brian Simon // The American Slavic and East European Review, Vol. 18, № 2 (Apr., 1959). P. 255-256.
- Razran G.* (1959). Russian-English Transliteration // Science, New Series, Vol. 130, № 3374 (Aug. 28, 1959). P. 482-488.
- Razran Gregory.* Transliteration of Russian // Science, Apr. 24, 1959, New Series, Vol. 129, № 3356 (Apr. 24, 1959). P. 1111-1113.
- Rubenstein S.* (1944). Soviet Psychology in War-time // Philosophy and Phenomenological Research, Dec., 1944, Vol. 5, № 2, A First Symposium on Russian Philosophy and Psychology (Dec., 1944). P. 181-198.
- Rubenstein S.* (1946). Consciousness in the Light of Dialectical Materialism // Science & Society, Summer, 1946, Vol. 10, № 3 (Summer, 1946). P. 252-261.
- Simmel M.* (1953). The New Man in Soviet Psychology by Raymond A. Bauer // The American Journal of Psychology, Vol. 66, № 4 (Oct., 1953). P. 658-661.
- Smirnov A.A.* (1947). Reviewed Work: Psychology by B. M. Teplov // Synthese, Vol. 5, № 11/12 (Mar. - Apr., 1947). P. 503-505.
- Smirnov A.A.* (1957). Les réussites scolaires et les problèmes de la psychologie // International Review of Education / Internationale Zeitschrift für Erziehungswissenschaft / Revue Internationale de l'Education, Vol. 3, № 3 (1957). P. 308-321.
- Review. – Reviewed Work: Psychology by B. M. Teplov // Synthese, Vol. 6, № 1/2 (May-Jun., 1947). P. 72-73.
- Teplov B.M.* (1951). Kurze Geschichte der Sowjetpsychologie // Ost-Probleme, Vol. 3, № 39 (29 September 1951). P. 1203-1214.
- Zirkle C.* (1958). Reviewed Work: Psychology in the Soviet Union by Brian Simon // The Annals of the American Academy of Political and Social Science, Vol. 316, A Crowding Hemisphere: Population Change in the Americas (Mar., 1958). P. 159-160.

The article was received 18.09.2021.

Общая психология

НЕРЕЧЕВЫЕ ЯЗЫКИ СОЗНАНИЯ: ПОСТАНОВКА ПРОБЛЕМЫ И ВОЗМОЖНОСТИ ЕЕ РЕШЕНИЯ

©Акопов Г.В.

Д.пс.н., профессор, Самарский государственный социально-педагогический университет
(ФГБОУ ВО СГСПУ), Самара, Россия
akopovg@gmail.com

Работа выполнена при финансовой поддержке Российского фонда фундаментальных исследований (проект № 19-013-00816 «Многомерность сознания как проблема современной психологии: типологизация подходов и конструирование системы категориальных пространств»).

Проблема сознания с конца прошлого века вышла на первый план мировой науки. Нерешенность этой проблемы до сегодняшнего дня связана с непреодолимостью «границы» между феноменальным (квалиа) и когнитивным сознанием. Поиск решения данной проблемы осуществляется в соответствии с положением о существовании различных языков сознания. В статье представлены главные отличия в российских и зарубежных исследованиях по проблеме сознания, констатируется различная направленность (социокогнитивная и нейрокогнитивная) соответствующих изысканий. Определена область пересечений, позволяющая провести экспериментальное исследование по одной из трудных проблем сознания. Фиксируется взаимосвязь и взаимообусловленность категорий «репрезентация» и «отношение», первое из которых (репрезентация) выступает в качестве основополагающей во многих программах решения так называемой трудной проблемы – «Hard Problem» в англоязычных исследованиях; сопоставимой с ней по значению для проблемы сознания в отечественной психологии является категория «отношение». Предполагается, что сенсорно-перцептивное сознание (квалиа) может быть репрезентировано как словесными, так и цвето-ассоциативными, а также ассоциативно-геометрическими средствами на целевых объектах субъективного отношения.

Ключевые слова: проблема сознания, квалиа, сенсорное сознание, феноменальное сознание, когнитивное сознание, речевое сознание, репрезентация, отношение, языки сознания, цветовые и геометрические ассоциации.

Сознание как предмет научных изысканий периодически выходит на первый план теоретических и экспериментальных исследований (Акопов, 2010, 2016, 2017; Акопов, Дорошко, 2019). В этой динамике привлекает внимание соотношение теоретической и экспериментальной составляющих, а также направленность эмпирических изысканий. Если в лаборатории В. Вундта, постулировавшего сознание в качестве основного объ-

екта и предмета изысканий, программы экспериментального поиска закономерностей сознания были ориентированы исключительно на состояния, процессы и свойства сознания как такового, то после дезавуации метода интроспекции и до настоящего времени, в психологии привлекаются, главным образом, методы междисциплинарного арсенала смежных с психологией наук – этологии, физиологии, нейронауки, когнитивистики и др.

Представление о психологии как изначально междисциплинарной области знаний (Б.М. Кедров, Ж. Пиаже, Е.Е. Соколова и др.) особенно многосторонне проявляется сегодня в сфере сознания. Активно развиваются новые технологии, в частности, в исследованиях головного мозга (ФМРТ, ПЭТ, ЭЭГ, МЭГ, ТМС и др.), которые привлекаются для определения нейронных коррелятов сознания. Новые многообразные результаты получены в когнитивистике, основанной на компьютерно-информационной метафоре сознания. Вместе с тем, существенно меньше собственно психологических исследований сознания (Аллахвердов, 2000; Карпов, 2011; Петренко, 2010 и др.).

Причины сложившейся ситуации, т.е. неполномерной представленности экспериментальной психологии сознания как таковой в современной науке, связаны, на наш взгляд, с доминирующей установкой объективизма (Акопов, 2016, 2017), а также с множественностью идентификаций сознания (Аллахвердов, 2000; Карпов, 2011; Петренко, 2010; Honderich, 2014).

В зарубежных источниках в большей степени распространена бинарная градация уровней сознания, а именно, выделение сознания «низкого порядка» и «высокого порядка» (Genaro, 2012; Honderich, 2014). Такая укрупненная уровневая структура сознания включает так называемое «квалиа» в качестве первичного, содержательно не презентуемого другому индивиду, субъективного опыта (experience) и текущих психических состояний. Вместе с тем квалиа-сознание представлено самому индивиду в формах самоощущения, самовосприятия, самопереживания, т.е. всего того, что в англоязычной проблематике сознания отнесено к явлениям феноменального сознания (Ревонсуо, 2013; Genaro, 2012; Honderich, 2014).

Следует отметить, что предложенная Д. Чалмерсом дифференциация проблемных задач сознания на трудные, т.е. неразрешимые на сегодняшний день, и более простые по решаемым психологическими методами задачам, в своей трудной части (Hard problem) связана, главным образом, с феноменальным сознанием (Чалмерс, 2013; Dennett, 1991). Решения как «трудной», так

и «легкой» проблем сознания ищутся с привлечением категории репрезентации.

В англоязычных источниках категория репрезентации играет центральную роль, которая позволяет перейти от квалиа-сознания к проявлениям сознания более высокого уровня (Higher-Order Consciousness) (Honderich, 2014). Семантическое значение англоязычного понятия «репрезентация» может быть суммировано русскоязычными терминами – представление, мнение, суждение, объяснение, отражение, образ, символ (Новый англо-русский словарь, 1995).

В советской психологии направление репрезентационализма, в котором категория репрезентации является основополагающей, было подвергнуто С.Л. Рубинштейном основательному критическому анализу с позиций материалистической методологии (Рубинштейн, 2013, С. 281-426). Современный репрезентационализм избегает противопоставления идеального и материального, признавая важность проблемы адекватности образа и вещи (Ревонсуо, 2013; Dienes, Perner, 2009; Hellie, 2009).

В соответствующих определениях в структуру репрезентации включают: целевую, т.е. объектную составляющую, информационное (образное, символическое, знаковое и др.) содержание, а также средства презентации информационного содержания в речевой и неречевой формах (интонация, жесты, телодвижения и т.д.) (Hellie, 2009). Постулируется ассоциативная связь репрезентаций с системой ценностей субъекта, а также самоценность актуализируемых субъектом представлений, мнений, суждений как таковых (Dienes, Perner, 2009).

Репрезентацию, в логике отечественной традиции определений сознания, можно трактовать как вид сознания и как форму сознания, существенной стороной которых может выступать отношение (Мясищев, 1966). По мнению С.Л. Рубинштейна, сознание невозможно без отношения к бытию (Рубинштейн, 2013, С. 44-280). Как отмечает В.П. Позняков, отношение – одна из основных категорий современной психологии (Позняков, 2018), непосредственно связанных с сознанием. Отношение, наряду со знанием, выступает субстантивной характеристикой сознания лично-

сти, в то время как репрезентация является процессуальной характеристикой сознания (Акопов, 2010), органично связанной с явлениями внешней и внутренней коммуникации, что соответствует культурно-исторической парадигме сознания, предложенной Л.С. Выготским.

Сознание, идентифицируемое в категории «квалиа», судя по приводимым зарубежными исследователями иллюстрациям, весьма сходно с сенсорным сознанием (качественно-определенное ощущение цвета, запахов, вкуса, боли т.д.) или с иным, нерепрезентативным сознанием, где качества сенсорного, аффективного и т.д. опыта (qualitative experience) не поддаются описанию речевыми средствами. Таким образом, «квалиа», существенно отличаясь от перцептивного и когнитивного сознания, будучи идентифицировано как сознание, должно быть определенным образом репрезентировано. Средствами репрезентации в таком случае могут выступать не словесные, а иные знаки – сенсомоторные, образно-символические, телесно-мимические, мышечно-двигательные и др., то есть неречевые языки сознания.

Уместно отметить, что Б.Ф. Ломов, рассматривая методологические и теоретические проблемы психологии, посчитал необходимым выделить помимо слова иные средства и формы осознания. Так, в частности, он отмечает: «Наблюдения и эксперименты показывают, что осознание может осуществляться также в форме наглядных образов, представлений, мысленных схем и т.п.» (Ломов, 1984, С.184).

Отметим также, что автор фундаментальных исследований в области психологии восприятия В.А. Барабанщиков выделяет в качестве двух основных проблем следующие: а) строение и структура перцептивного образа; б) способы превращения воздействий среды в факты индивидуального сознания (Барабанщиков, 2006, с.7). В связи со второй проблемой, выделенной автором, можно заключить, что речь идет о проблеме «перевода» первичных процессов восприятия в осознаваемый предмет восприятия. Не случайно в другой работе В.А. Барабанщиков и А.Н. Харитоновы используют коммуникативный подход в исследованиях восприятия, рассматривая факторы невербальной

коммуникации (Барабанщиков, Харитонов, 2017).

В нашем исследовании акцентируется внимание на вопросах речевых и неречевых форм сознания в проекции на процесс и содержание репрезентативного сознания (Dienes, Perner, 2009). Заметим, что эмоциональная сфера в англоязычных исследованиях, неизменно упоминаемая наряду с сенсорной, перцептивной, когнитивной и др. сферами, весьма редко подвергается обсуждению и анализу с позиций феноменологического сознания. Синестезическая и/или ассоциативная связь эмоций с цветовыми (Бажин, Эткинд, 2018, 1985; Базыма, 2012; Эткинд, 2014; Психология цвета, 1996) и фигуративными объектами представляет, на наш взгляд, интересную экспериментальную перспективу исследований эмоционального языка, в частности, для визуального сознания. На связанном с эмоциями музыкальном материале А.В. Тороповой проведен цикл фундаментальных исследований по интонационному сознанию (Торопова, 2017).

В наших исследованиях возможность преодоления дуализма между понятиями феноменальное сознание, когнитивное сознание (или психологическое по Д. Чалмерсу), определяется артикуляцией понятий: «языки сознания», «невербальная коммуникация», «внутренняя коммуникация», достаточно полно представленных в исследованиях отечественных психологов (Акопов, Акопян, Белоус, 2020; Зинченко, 1998; Лабунская, 1999). Обращаясь к широко распространенному понятию невербальной коммуникации, отметим, что исследовательский контекст соответствующего явления как правило не связан с процессом и сознанием, в частности, с такими его проявлениями как намеренность, произвольность, контролируемость, репрезентативность и др.

Заключение

Масштабный всплеск интереса к проблеме сознания в конце XX начале XXI вв. связан с прогрессом нейронных и когнитивных исследований, с одной стороны, и все возрастающей необходимостью включения тех или иных программ осознания в экономическую (цифровизация, искус-

ственный интеллект) и социальную (информационные технологии, социальные коммуникации) жизнь – с другой.

В российских и зарубежных (англоязычных) исследованиях сознания доминируют социо-когнитивное и нейрокогнитивное направления исследований сознания соответственно. Областью пересечения того и другого направлений являются представления об уровнях сознания (высшие психические функции – сознание высокого порядка; сенсорно-перцептивное сознание – квалиа).

В сопряженном с этими категориальными пространствами сознания можно рассматривать взаимосвязанные и взаимообусловленные категории отношения (в отечественной психологии) и репрезентации (в зарубежной философии и психологии). Аккумулируя в своей основе такие существенные признаки сознания, как объектная направленность, обобщенность, знаковая опосредованность, субъектность и др., эти категории позволяют отображать (отражать, представлять, презентировать) и разные виды и типы сознания, и разные уровни сознания.

Положения настоящего исследования подтверждены в основных аспектах и представлены в публикациях (Акопов, Акопян, Белоус, 2020; Акопов, Белоус, 2019, 2020); показаны возможности использования человеком различных языков сознания (вербальных и невербальных) не только в хорошо известных и описанных коммуникативных ситуациях, но и для условий актуализации сенсорно-перцептивного сознания (квалиа-сознание). Такая постановка и решение проблемы сознания в пространстве категории «репрезентация» в ее проекции на субъективные отношения к разнокачественным объектам позволяет избегать отождествлений речевого (языкового) сознания со всем многообразием явлений сознания, с одной стороны, а с другой – отчетливо дифференцировать словесные (речевые) и несловесные формы как в идентификациях, так и в конкретных проявлениях сознания.

Проведенное исследование способствует также преодолению признанного в англоязычных исследованиях сознания дуализма представлений о феноменальном и когнитивном сознании.

Литература

Акопов Г.В. Психология сознания: Вопросы методологии, теории и прикладных исследований. М.: Изд-во «Институт психологии РАН», 2010.

Акопов Г.В. Типология проблем в новом познании сознания // Мир психологии. Научно-методический журнал. 2016. № 2 (86). Апрель-июнь. С. 178-191.

Акопов Г.В. Направления и формы интеграции психологических знаний в контексте развития науки // Интегративный подход к познанию психологии человека: В.Н. Панферов, В.В. Знаков, Е.Ю. Коржова и др. / Под научной редакцией Е.Ю. Коржовой. СПб.: Издательство РГПУ им. А.И. Герцена, 2017.

Акопов Г.В., Акопян Л.С., Белоус А.В. Цветовые пространства сознания: внутренняя атрибуция цвета в социальных и личностных отношениях // Креативная экономика и социальные инновации. №4 (33) 2020. С. 99-107.

Акопов Г.В., Дорошко Г.П. Пространства категорий в проблеме сознания в Российской психологии советского периода // Мир психологии 2019, № 2(98). С. 48-57.

Акопов Г.В., Белоус А.В. Внутренний диалог с позиций двухфакторной модели сознания // Психология диалога и мир человека: памяти Г.В. Дьяконова. Сборник научных трудов / Под ред. Л.Г. Дмитриевой, Т.И. Пашуковой. Том 3. Уфа: РИЦ БашГУ, 2019. С. 22-26.

Акопов Г.В., Белоус А.В. Внутренняя коммуникация личности и эпидемиологические исследования психологического здоровья // Психологическое здоровье личности: теория и практика: сборник статей Всероссийской научно-практической конференции с международным участием. 10 ноября 2020 г. / под ред. И.В. Белашевой, Н.В. Козловской, А.С. Лукьянова, Э.В. Терещенко. Ставрополь: Изд-во СКФУ, 2020. С. 3-7.

Аллахвердов В.М. Сознание как парадокс. СПб., 2000.

Барабанчиков В.А. Психология восприятия: Организация и развитие перцептивного процесса. М.: Когито Центр; Высшая школа психологии, 2006.

Барабанчиков В.А., Харитонова А.Н. Коммуникативный подход в исследовании восприятия //

Когнитивные механизмы невербальной коммуникации / Под ред. В.А. Барабанщикова. М.: Когито Центр, 2017. С. 14-47.

Бажин Е.Ф., Эткин А.М. Изучение эмоционального значения цвета // Психологические методы исследования личности. СПб.: Иматон, 2018.

Бажин Е.Ф., Эткин А.М. Цветовой тест отношений: Метод, рекомендации. Л.: Ленинградский научно-исследовательский психоневрологический институт им. В.М. Бехтерева, 1985.

Базыма Б.А. Порядковые отношения цветов и цветовые предпочтения // Вестник Харьковского университета. Серия «Психология». 2012. № 550.

Зинченко В.П. Живое Знание. Психологическая педагогика. Самара: 1998.

Карпов А.В. Психология сознания: метасистемный подход / А. В. Карпов; Гос. акад. наук, Российская акад. образования. М.: Изд. дом Российской акад. образования (РАО), 2011.

Лабунская В.А. Экспрессия человека: общение и межличностное познание. Ростов-на-Дону: Изд-во Феникс, 1999.

Ломов Б.Ф. Методологические и теоретические проблемы психологии / Отв.ред. Ю.Н. Забродин, Е.В. Шорохова. М.: Из-во. «Наука», 1984.

Мясищев В.Н. Сознание как единство отражения действительности и отношения к ней // Проблема сознания: Материалы симпозиума. М., 1966. С. 126-133.

Новый англо-русский словарь: Ок. 60000 словарных статей / В.К. Мюллер, В.Л. Дашевская, В.А. Каплан и др. – 2-е изд., стереот. М.: Рус.яз., 1995.

Петренко В.Ф. Многомерное сознание: психо-семантическая парадигма. М.: Новый хронограф, 2010.

Позняков В.П. Психологические отношения индивидуальных и групповых субъектов совместной экономической деятельности. М.: Изд-во «Институт психологии РАН», 2018.

Психология цвета / Пер. с англ. М.: Рефл-бук, Ваклер, 1996.

Ревонсо А. Психология сознания / Пер. с англ. СПб.: Питер, 2013.

Рубинштейн С.Л. Бытие и сознание. Человек и мир. СПб., Питер, 2013.

Торопова А.В. Феноменология интонирующей функции музыкально-языкового сознания. Диссертация на соискание ученой степени доктора психологических наук СПб. Российский государственный педагогический университет им. А.И. Герцена. 2017.

Чалмерс Д. Сознательный ум: в поисках фундаментальной теории. Пер. с англ. М.: УРСС; Книжный дом «ЛИБРОКОМ», 2013.

Эткинд А.М. Цветовой тест отношений // Общая психодиагностика / Под ред. А.А. Бодалева и В.В. Столина. СПб.: Речь, 2014.

Dennett D.C. (1991). *Consciousness Explained* Boston: Little, Brown.

Dienes Z., Perner J. (2009). *Representationalism, problems* // *The Oxford Companion to Consciousness* / Ed.: Baynet T., Cleeremans A., Wilken P. Oxford University Press. P. 567-571.

Genaro R.J. (2012). *The Consciousness Paradox: Consciousness, Concepts and Higher - Order Thoughts* a Bradford Book. The MIT Press Cambridge, Massachusetts. London, England.

Hellie B. (2009). *Representationalism* // *The Oxford Companion to Consciousness* / Ed.: Baynet T., Cleeremans A., Wilken P. Oxford University Press. P. 563-567.

Honderich T. (2014). *Actual Consciousness*. Oxford University Press.

Статья поступила в редакцию 20.09.2021.

NON-VERBAL LANGUAGES OF CONSCIOUSNESS: STATEMENT OF THE PROBLEM AND ITS SOLUTION

© Akopov G.V.

Sc.D. (psychology), Samara State University of Social Sciences and Education, Samara, Russia,
akopovgv@gmail.com

Since the end of the last century, the problem of consciousness has come to the fore in the world science. The unresolved issue of this problem to this day is related to an insurmountable "border" between phenomenal (qualia) and cognitive consciousness. The search for a solution to this problem is carried out in accordance with the provision on the existence of various languages of consciousness. The article presents the main differences between Russian and foreign studies on the problem of consciousness, states the different directions (sociocognitive and neurocognitive) of the corresponding research. The area of intersection is determined, which allows to conduct experimental research on one of the most difficult problems of consciousness. The interrelation and interdependence of the categories "representation" and "attitude" is fixed, the first of which (representation) is fundamental in many programs for solving the so-called "Hard Problem" in English-language studies; the category "attitude" is comparable to it in terms of significance for the problem of consciousness in Russian psychology. It is assumed that sensory-perceptual consciousness (qualia) can be represented both by verbal and color-associative, as well as by associative-geometric means on the target objects of subjective attitude.

Keywords: problem of consciousness, qualia, sensory consciousness, phenomenal consciousness, cognitive consciousness, speech consciousness, representation, attitude, languages of consciousness, color and geometric associations.

REFERENCES

- Akopov G.V. (2010). Psixologiya soznaniya: Voprosy` metodologii, teorii i prikladny`x issledovaniy. M.: Izd-vo «Institut psixologii RAN».
- Akopov G.V. (2016). Tipologiya problem v novom poznanii soznaniya // Mir psixologii. Nauchno-metodicheskij zhurnal. № 2 (86). April`-iyun`. P. 178-191.
- Akopov G.V. (2017). Napravleniya i formy` integracii psixologicheskix znaniy v kontekste razvitiya nauki // Integrativny`j podxod k poznaniyu psixologii cheloveka: V.N. Panferov, V.V. Znakov, E.Yu. Korzhova i dr. / Pod nauchnoj redakciej E.Yu. Korzhovoj. SPb.: Izdatel`stvo RGPU im. A.I. Gercena.
- Akopov G.V., Akopyan L.S., Belous A.V. (2020). Czvetovy`e prostranstva soznaniya: vnutrennyaya atribuciya czveta v social`ny`x i lichnostny`x otnosheniyax // Kreativnaya e`konomika i social`ny`e innovacii. №4 (33). P. 99-107.
- Akopov G.V., Doroshko G.P. (2019). Prostranstva kategorij v probleme soznaniya v Rossijskoj psixologii sovetskogo perioda // Mir psixologii. № 2(98). P. 48-57.
- Akopov G.V., Belous A.V. (2019). Vnutrennij dialog s pozicij dvuxfaktornoj modeli soznaniya // Psixologiya dialoga i mir cheloveka: pamyati G.V. D`yakonova. Sbornik nauchny`x trudov / Pod red. L.G. Dmitrievoj, T.I. Pashukovoj. Tom 3. Ufa: RICz BashGU. P. 22-26.
- Akopov G.V., Belous A.V. (2020). Vnutrennyaya kommunikaciya lichnosti i e`pidemiologicheskie issledovaniya psixologicheskogo zdorov`ya // Psixologicheskoe zdorov`e lichnosti: teoriya i praktika: sbornik statej Vserossijskoj nauchno-prakticheskij konferencii s mezhdunarodny`m uchastiem. 10 noyabrya 2020 g. / pod red. I.V. Belashevoj, N.V. Kozlovskoj, A.S. Luk`yanova, E`V. Tereshhenko. Stavropol`: Izd-vo SKFU. P. 3-7.

- Allaxverdov V.M.* (2000). *Soznanie kak paradoks*. SPb.
- Barabanshnikov V.A.* (2006). *Psixologiya vospriyatiya: Organizatsiya i razvitie perceptivnogo processa*. M.: Kogito Centr; Vysshaya shkola psixologii.
- Barabanshnikov V.A., Xaritonova A.N.* (2017). *Kommunikativnyj podxod v issledovanii vospriyatiya // Kognitivny`e mexanizmy` neverbal`noj kommunikacii / Pod red. V.A. Barabanshnikova*. M.: Kogito Centr. P. 14-47.
- Bazhin E.F., E`tkind A.M.* (2018). *Izuchenie e`motsional`nogo znacheniya czveta // Psixologicheskie metody` issledovaniya lichnosti*. SPb.: Imaton.
- Bazhin E.F., E`tkind A.M.* (1985). *Czvetovoj test otnoshenij: Metod. rekomendacii*. L.: Leningradskij nauchno-issledovatel`skij psixonevrologicheskij institut im. V.M. Bextereva.
- Bazy`ma B.A.* (2012). *Poryadkovy`e otnosheniya czvetov i czvetovy`e predpochteniya // Vestnik Xar`kovskogo universiteta. Seriya «Psixologiya»*. № 550.
- Zinchenko V.P.* (1998). *Zhivoe Znanie. Psixologicheskaya pedagogika*. Samara.
- Karpov A.V.* (2011). *Psixologiya soznaniya: meta-sistemnyj podxod / A. V. Karpov; Gos. akad. nauk, Rossijskaya akad. obrazovaniya*. M.: Izd. dom Rossijskoj akad. obrazovaniya (RAO).
- Labunskaya V.A.* (1999). *E`kspressiya cheloveka: obshhenie i mezhlichnostnoe poznanie*. Rostov-na-Donu: Izd-vo Feniks.
- Lomov B.F.* (1984). *Metodologicheskie i teoreticheskie problemy` psixologii / Otv.red. Yu.N. Zabrodin, E.V. Shoroxova*. M.: Iz-vo. «Nauka».
- Myasishhev V.N.* (1966). *Soznanie kak edinstvo otrazheniya dejstvitel`nosti i otnosheniya k nej // Problema soznaniya: Materialy` simpoziuma*. Moscow. P. 126-133.
- Novyj` anglo-russkij slovar` : Ok. 60000 slovarny`x statej / V.K. Myuller, V.L. Dashevskaya, V.A. Kaplan i dr. – 2-e izd., stereot*. M.: Rus.yaz. 1995.
- Petrenko V.F.* (2010). *Mnogomernoe soznanie: psixosemanticheskaya paradigma*. M.: Novyj` xronograf.
- Poznyakov V.P.* (2018). *Psixologicheskie otnosheniya individual`ny`x i gruppy`x sub`ektov sovmestnoj e`konomicheskoy deyatel`nosti*. M.: Izd-vo «Institut psixologii RAN».
- Psixologiya czveta / Per. s angl.* (1996). M.: Reflibuk, Vakler.
- Revonsuo A.* (2013). *Psixologiya soznaniya / Per. s angl.* SPb.: Piter.
- Rubinshtejn S.L.* (2013). *By`tie i soznanie. Che-lovek i mir*. SPb., Piter.
- Toropova A.V.* (2017). *Fenomenologiya intoniruyushhej funkcii muzy`kal`no-yazy`kovogo soznaniya. Dissertatsiya na soiskanie uchenoj stepeni doktora psixologicheskix nauk SPb. Rossijskij gosudarstvennyj pedagogicheskij universitet im. A.I. Gercena*.
- Chalmers D.* (2013). *Soznayushhij um: V poiskax fundamental`noj teorii*. Per. s angl. M.: URSS; Knizhnyj` dom «LIBROKOM».
- E`tkind A.M.* (2014). *Czvetovoj test otnoshenij // Obshhaya psixodiagnostika / Pod red. A.A. Bodaleva i V.V. Stolina*. SPb.: Rech`.
- Dennett D.C.* (1991). *Consciousness Explained* Boston: Little, Brown.
- Dienes Z., Perner J.* (2009). *Representationalism, problems // The Oxford Companion to Consciousness / Ed.: Baynet T., Cleeremans A., Wilken P.* Oxford University Press. P. 567-571.
- Genaro R.J.* (2012). *The Consciousness Paradox: Consciousness, Concepts and Higher - Order Thoughts a Bradford Book*. The MIT Press Cambridge, Massachusetts. London, England.
- Hellie B.* (2009). *Representationalism // The Oxford Companion to Consciousness / Ed.: Baynet T., Cleeremans A., Wilken P.* Oxford University Press. P. 563-567.
- Honderich T.* (2014). *Actual Consciousness*. Oxford University Press.

The article was received 20.09.2021.

Социальная психология

ВЛИЯНИЕ ЧУВСТВ СТЫДА И ГОРДОСТИ НА ОТНОШЕНИЕ ПОТРЕБИТЕЛЕЙ К ЭПАТАЖНОЙ ПОЛИТИЧЕСКОЙ РЕКЛАМЕ

© Гордякова О.В.

к.пс.н., профессор кафедры социальной психологии,
Московский институт психоанализа, г. Москва, Россия
o_gordyakova@mail.ru

Публикация подготовлена при поддержке РФФИ (грант № 19-013-00155 А,
«Влияние высших социальных эмоций на выбор потребителями товаров и услуг в системе
маркетинговых коммуникаций»)

В статье рассматривается проблема влияния высших социальных эмоций (чувств), в частности, стыда и гордости, на эффективность политической рекламы. Проводится сравнительный анализ психологических характеристик коммерческой и политической рекламы, представлены результаты психологического квазиэкспериментального исследования, где в качестве стимульного материала использовались эпатажные рекламные видеоролики, призывающие к участию в выборах в Государственную Думу 2021 года. Исследование показало крайне негативное отношение к предоставленной респондентам политической рекламе, что свидетельствует о ее низкой психологической эффективности. Было показано, что реклама, в частности, с использованием ненормативной лексики и юмористических эпатажных сюжетов, производит крайне негативное впечатление на молодых граждан, а значит не способствует репутации политических партий у данной категории избирателей.

Ключевые слова: высшие социальные эмоции, чувства, стыд, гордость, маркетинг, маркетинговые коммуникации, политическая реклама, эпатажная реклама, семантический дифференциал

Введение

Среди различных видов рекламы политическая реклама занимает особое место. В настоящее время существуют огромные различия между традиционной коммерческой и политической рекламой. В значительной степени это проявляется в нашей стране в силу ряда характерных для нее специфических особенностей (история государства, существующее и постоянно меняющееся законодательство, сложившиеся национальные традиции и пр.). Эти различия можно обнаружить не только в экономической и правовой сферах, но и в психологической специфике данного вида рекламной деятельности.

В соответствии Федеральным законом «О рекламе» – это основной для данной отрасли закон – на политическую рекламу он не распространяется (статья 2 п. 2.1.). Это означает: то, что запрещено законом для коммерческой рекламы, при

определенных обстоятельствах оказывается вполне допустимым и приемлемым для рекламы политической, особенно, если такие приемы используются в рекламе какой-либо влиятельной политической партии (Федеральный Закон «О рекламе», 2020).

Сравнительный анализ коммерческой и политической рекламы

Хорошо известно, что первые научные исследования феномена рекламы, в частности, экспериментальными методами, психологи стали проводить на рубеже XIX-XX веков в связи с тем, что в середине XIX века в промышленно развитых странах начинается резкий рост производства и активизируются экономические кризисы перепроизводства, требующие усилий со стороны продавцов, столкнувшихся с обострением конкуренции (Котлер, Армстронг, Вонг, 1999).

В первой половине XX века социологи отмечали огромное влияние рекламы не только на экономику и политику, но и на массовую культуру в целом. В частности, хорошо известны рекламные работы выдающихся художников, например, Анри Тулуз-Лотрека, Сальвадора Дали, Энди Уорхола, Альфонса Мухи или Нико Пиросмани, Владимира Маяковского и Александра Родченко в нашей стране.

Следует отметить, что в СССР реклама в связи с отсутствием конкуренции выполняла не столько экономическую, сколько идеологическую функцию и тесно переплеталась с тем, что обычно называют идеологической или политической пропагандой (Лебедев-Любимов, 2007).

К началу XX века на рекламном рынке активно развивают свою деятельность рекламные, а чуть позже репутационные агентства, деятельность которых стали обозначать термином «Public Relations» (Лебедев, Гордякова, 2015). Во второй четверти XX века повсеместно приобретает популярность особый вид экономической деятельности, который получил название маркетинга, где традиционная реклама играла лишь определенную роль, а во второй половине XX века она и во все оказалась одной из так называемых маркетинговых коммуникаций, которых к началу XXI века специалисты описали уже более тридцати (Ульяновский, 2008).

В настоящее время к маркетинговым коммуникациям относят: традиционную рекламу (advertising), паблик рилейшнз (public relations), сейлз промойшн (sales promotion), мерчандайзинг (merchandising), продакт плейсмент (product placement) и другие. Продвижение политических идей, персон и партий проводится в рамках всего комплекса маркетинговых коммуникаций. Например, здесь широко применяются: паблик-релейшнз (public relations), директор-маркетинг (direct marketing), ивент-маркетинг (event marketing), директ мэйл (direct mail) и другие.

Но в политическом маркетинге традиционная реклама (телевизионная, радио, наружная и другая) в силу относительной кратковременности рекламных акций чаще всего все-таки оказывается

основным инструментом психологического воздействия на население (Лебедев, Гордякова, 2015; Ульяновский, 2008).

Наиболее близкой политической рекламе является широко распространенная политическая пропаганда. Однако есть отличия политической рекламы и пропаганды как в области технологий, так и в методах психологического воздействия. Политическая пропаганда часто осуществляется в неявной форме и может не осознаваться человеком как реклама, чего от коммерческой рекламы требует Федеральный Закон. При этом она проводится не по конкретным поводам, например, выборы, а на постоянной основе (Doob, 1966; Bidell, 1931; Maletzke, 1963; Gallo, 1955; Choucas, 1965).

Следует подчеркнуть, поскольку в политической рекламе, агитации и пропаганде важную роль играют массовые мероприятия, то основным продуктом креативной рекламной деятельности оказываются не столько политические идеи, сколько пафосные призывы и краткие лозунги.

Именно поэтому политическая реклама чаще апеллирует к чувствам граждан, а не к разуму и логике, хотя зачастую выглядит, как набор аргументов, направленных к рациональной сфере сознания человека. Поэтому предвыборные тексты и лозунги обычно представлены в неопределенной форме: «изменим», «добьемся», «запретим», «установим», «обеспечим» и пр., хотя очевидно, что ни одна предвыборная программа ни одной политической партии никогда не выполняется на 100%.

Психологическая специфика политической рекламы состоит в том, что ее достоверность и честность, в отличие от коммерческой, люди могут определить только лишь спустя значительное время, но чаще всего они не помнят тех лозунгов, обещаний и призывов, которые политические партии, лидеры или персоны используют в период проведения рекламных кампаний (Недяк, 2008).

Мнение членов нецелевой группы в коммерческой рекламе может быть проигнорировано, однако мнение нецелевых групп (по полу, возрасту, убеждениям, ценностям, уровню субъективного экономического благополучия и пр.) в политической рекламе не может быть проигнорировано в принципе.

Критика коммерческой рекламы населением и СМИ в ряде случаев способствует эффекту психологического воздействия, поскольку, став вирусным, иной удачный рекламный ролик заставляет говорить о себе (word-of-mouth ad) и тем самым увеличивает продажи. Причем это может произойти, даже если он вызывает неодобрение и возмущение. Однако аналогичная критика политической рекламы снижает эффект психологического воздействия, поскольку, вызывая возмущение «нецелевых» групп избирателей, косвенно влияет на распределение голосов.

В мотивационном плане у политической рекламы вообще нет целевых групп, так как все население является ее целевой группой. Однако эту ошибку рекламисты, получающие заказы на политически рекламу, как оказывается, делают довольно часто.

Роль высших социальных эмоций (чувств) в коммерческой и политической рекламе

В коммерческой и политической рекламе высшие социальные эмоции (чувства), например, чувства стыда, гордости, собственного достоинства или патриотизма играют значительную роль, но в рамках научных исследований в отечественной психологии широко не изучаются. Чувство гордости имеет прямую связь с понятиями «престижа», «имиджа», «репутации» и другими, которые в последнее годы стали широко обсуждаемыми и представлены в многочисленных прикладных публикациях по психологии рекламы и маркетинговых коммуникаций (Лебедев, 2015).

Высшие социальные эмоции в настоящее время в наибольшей степени интересуют психологов психоаналитической ориентации, так как чувства стыда, гордости, собственного достоинства, вины и др. традиционно являются объектами изучения психологов, исследования которых непосредственно связаны с практикой психотерапии.

В психоанализе у многих сложилось представление о том, что для объяснения феномена стыда нет необходимости в особой теории. В соответствии с традиционным психоаналитическим подходом, стыд – это защитная реакция, которая воз-

никает в связи с неудачными попытками осознания нарциссических стремлений. При этом стыд традиционно рассматривается как результат отношений между Эго, Суперэго и Эго-идеалом. По мнению Х.Льюис, стыд порождает гнев, который человек направляет на себя и на окружающих. Гнев как следствие стыда (shame-anger) порождает образы мести и насилия. Это, в свою очередь, приводит к возникновению чувства вины (Lewis, 1971).

Парадоксально то, что исследований чувства стыда и, например, вины намного больше, чем исследований чувства гордости. Этому есть объяснения. В частности, признанный специалист в области эмоций К. Изард, представивший обществу свою теорию десяти базовых эмоций, включил чувство стыда в базовые эмоции, но проигнорировал чувство гордости (Изард, 2008).

Возможно, это связано и с тем, что чувство гордости у ребенка формируется позже. Так, например, Натансон (Nathanson, 1987) в описании стыда, опираясь на теорию аффектов Томкинса (Tomkins, 2008), доказывает существование базовой формы стыда («первичный стыд»), который обнаруживается у ребенка еще в трехмесячном возрасте, поскольку «ребенок опускает или отворачивает голову, если попытка контакта с матерью оказывается неудачной» (Broucek, 1982).

Кроме того, до сих пор непонятно, следует ли рассматривать чувства стыда и гордости как противоположные или они являются разными по природе чувствами. На этот вопрос пока нет четкого ответа, поскольку природа (психологическая, социально-психологическая, психофизиологическая и др.) этих чувств совсем не понятна. Тот факт, что одни и те же события и ситуации, вызывают у разных людей разные чувства, в частности, стыда и гордости, убедительно свидетельствует о роли социального в их формировании, однако до сих пор подробно не изучено, как именно эти чувства формируются и по какому принципу они работают. Как эти социальные эмоции работают в поведении потребителей и избирателей, непонятно также.

В литературе по политической психологии встречаются крупные исследования роли высших социальных эмоций, в частности, чувства стыда.

Так, например, Штейнберг (Steinberg, 1991) изучал роль стыда при принятии политических решений. В исследовании он опирался на документальный отчет о Карибском кризисе и подробно проанализировал ситуацию, когда лидеры США и СССР, принимая решения, «испытывали давление глубочайшего стыда», что заставило их разрешить ситуацию мирным путем. В известном смысле, эта ситуация иллюстрировала борьбу нескольких переживаемых лидерами чувств: стыда, вины и гордости.

В исследовании Т.Шмадер и Б.Ликкел (Schmader, Lickel, 2006) показано, что переживание чувств вины и стыда, которое испытывают и «белые», и выходцы из Латинской Америки в ответ на неадекватное поведение членов своей этнической группы, оказываются достаточно сильными. В другом исследовании было показано, что американские и британские студенты университетов испытывают сильное чувство стыда при мысли об оккупации Ирака их странами (Iyer et al., 2007). При этом оценка данного политического события студентами «представляет угрозу для их национальной идентичности». Однако анализ показал, что ни в одном из этих исследований оценка ситуации не связана с чувством вины.

Чувство стыда переживается человеком как «актуальная эмоция» и проявляется на психофизиологическом уровне. Чувство вины может быть длительным и достаточно «абстрактным» без явных психофизиологических реакций. Возможно, проблема может возникать вследствие специфики применяемых методик, что необходимо учитывать в исследовании эмоциональных состояний. Некоторые авторы утверждают, что, в отличие от вины, чувство стыда в более значительной степени сфокусировано на самом человеке, тогда как переживание вины – на других людях (Schmader, Lickel, 2006). По мнению Гриценко В.В., Смотровой Т.Н., Гавроновой Ю.Д. различия в чувстве вины и стыда могут объясняться разной степенью их связи с моральной регуляцией поведения личности (Гриценко, Смотровая, Гавронова, 2014).

Поскольку исследования показывают, что при переживании чувства стыда у людей возникает стремление увеличить дистанцию событий, которые вызывают стыд, это важно оценить с точки

зрения исследований поведения потребителей и избирателей. Ведь в случае возникновения стыда человек часто стремится приобрести товар, который ему предлагает продавец. Однако соответствует ли такое поведение – покупка товара – принципу увеличения психологической дистанции в ситуации, которая провоцирует переживание стыда, и наличие которой отмечается во многих психологических исследованиях данного феномена?

При обсуждении вопроса связи политического сознания с чувствами, в частности, с чувством стыда, интересно проанализировать ряд исследований. Например, в исследовании отношения американцев к Ираку было показано, что гнев, направленный на собственную группу, коррелирует с виной и статистически достоверно предсказывает поддержку индивидами политических действий, связанных с выплатой компенсаций иракцам, противостоянием тем, кто защищает оккупацию и пр.

Также аналогичный результат был получен в исследовании австралийцев, проживающих в Европе. Переживаемое ими чувство вины и стыда за жестокое обращение с коренными австралийцами сопровождалось резкими высказываниями с их стороны необходимости возмещения ущерба коренному населению Австралии (Iyer et al., 2007).

Примечательны исследования чувства стыда и феномена групповой идентичности. В частности, было показано, что лица, имеющие сильную групповую идентичность и привязанность к группе, чаще испытывают стыд от действий группы. В других исследованиях было показано, что сильная идентификация с группой часто приводит к тому, что индивиды вопреки моральным нормам снижают групповую ответственность и оправдывают асоциальные действия группы. В любом случае, изучение чувства стыда в различных социальных ситуациях и условиях необходимы для понимания механизмов регуляции поведения людей. Это также крайне важно для изучения и понимания механизмов регуляции поведения как покупателей, так и избирателей.

Однако не совсем ясно, как будут вести себя избиратели, если им придется пережить чувства стыда по отношению к той партии, за которую

они намерены были голосовать? Какое количество избирателей начнет защищать выбранную ими партию, а какое выберет другую? То есть, в известном смысле можно утверждать, что, например, желая вызвать у потребителя рекламы некое чувство «гордости», психологически неподготовленный рекламист может вызвать у него элементарное чувство «стыда».

Эмпирическое исследование проблемы этической и психологической эффективности политической рекламы

Политическая борьба на выборах в Государственную Думу в сентябре 2021 года приняла очень жесткий характер. В Интернет попала информация с видеосюжетами о многочисленных нарушениях процедуры голосования. Борьба между политическими партиями, по сравнению с выборной кампанией 2016 года, была крайне напряженной. Так, например, политтехнологи многих партий занимались так называемым «черным пиаром». При этом иногда было невозможно определить является ли тот или иной рекламный ролик ошибкой политтехнологов, неверно оценивших реакцию целевой группы на эпатажный рекламный материал, в частности, размещаемый в Интернете, или это дело рук конкурентов, которые занимаются «черным пиаром».

В частности, в одном из роликов, «рекламирующих партию ЛДПР», был использован следующий сюжет. Отец с сыном сидят на кухне и разговаривают. Отец в тельняшке (возможно, бывший военнослужащий ВДВ) наливает рюмку водки, предлагает сыну выпить и закусить соленым огурцом. Сын отказывается и сообщает отцу, что «хочет ему кое-что рассказать, но боится, что отцу это сильно не понравится». Отец готов выслушать и понять сына. Сын говорит о том, что он «стоит в одном сообществе, точнее в меньшинстве, которое многие люди не любят и даже считают таких людей больными». Отец наклоняется к сыну с грозным лицом. Тогда сын доверительно сообщает, что вступил в ЛДПР. За кадром звучит песня «Мы выбираем ЛДПР». В следующем кадре сын выходит из квартиры на лестничную площадку, где его ждет «друг». Друг спрашивает:

«Ну, как? Про нас сказал?». Молодой человек отвечает: «Я думаю, он догадался». В следующем кадре молодые люди, взявшись за руки, спускаются по лестнице. Появляется радуга и надпись: «ЛДПР за разных людей и разные возможности» (Рис.1).

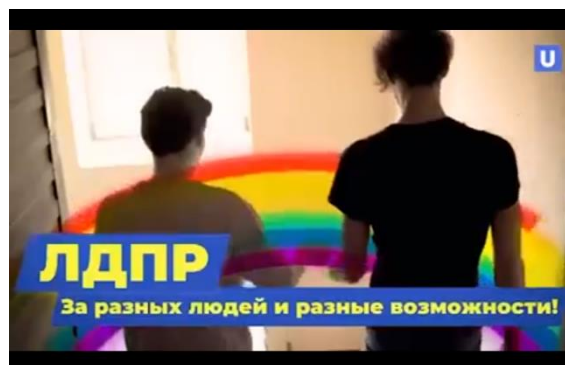

Рис. 1. Скриншот «рекламы партии ЛДПР»

В нашем пилотажном исследовании (N=35) ролик партии ЛДПР вызвал противоречивые оценки респондентов и получил самый высокий средний балл по шкалам «гордость» (1,17) и «стыд» (4,46) по шкале семантического дифференциала. По методике TOSCA (см.) респонденты, склонные к переживанию чувства вины, оценили этот ролик как «красивый» (0,642; $p < 0,045$). Те, кто проявляет склонность к возникновению чувства гордости (-0,66; $p < 0,03$) и позитивной оценке своей личности в целом (-0,68; $p < 0,03$), оценили это ролик как «лживый».

Задача нашего основного исследования состояла в том, чтобы изучить реакции молодых людей на эпатажные видеоролики, выполненные в рамках политической рекламной кампании выборов в Государственную Думу в 2021 году. Цель исследования заключалась в том, чтобы определить, у каких респондентов данные ролики вызывают позитивные эмоциональные переживания, а у каких – негативные, и описать характеристики данных групп.

Группе респондентов (студенты бакалавриата) в условиях лабораторного квазиэксперимента было предложено первоначально оценить «идеальную» политическую рекламу по методике семантического дифференциала Ч.Осгуда (см. табл. 1.), а затем – несколько реальных рекламных видеороликов (рис. 2.).

Таблица 1. Шкалы семантического дифференциала для оценки политических рекламных видеороликов

1	Расслабляющая	-	Напрягающая
2	Грустная	-	Радостная
3	Безразличная	-	Заботливая
4	Уродливая	-	Красивая
5	Неубедительная	-	Убедительная
6	Отталкивающая	-	Привлекательная
7	Глупая	-	Умная
8	Неэтичная	-	Этичная
9	Лживая	-	Честная

Для квазиэксперимента были отобраны видеоматериалы (5 эпатажных рекламных видеороликов эротического содержания с обсенной лексикой), выполненных рядом крупных российских рекламных агентств, специализирующихся на видео рекламе, в частности, агентством «РосВидео продакшн». Четыре ролика предьявлялись индивидуально в онлайн режиме по технологии Google Forms. Десять случайно подобранных из выборки респондентов заполнили также методику TOSCA (Test of Self-Conscious Affect) (Дж.П. Тангней «Измерение чувства вины и стыда») (Ениколопов, 2014; Макагон, Ениколопов, 2015).

Диагностика по методике TOSCA проводится по шести шкалам: 1. Вина (склонность к переживанию чувства вины в результате негативной оценки человеком своего поведения); 2. Стыд – склонность к переживанию чувства стыда в результате негативной оценки человеком своей личности как таковой; 3. Экстернальность – склонность к обвинению других людей или внешних обстоятельств за последствия своих действий (предрасположенность к внешнему локусу контроля); 4. Отстраненность – степень эмоциональной включенности (а точнее, невключенности) в ситуацию и последствия происходящего; 5. Альфа-гордость – позитивная оценка (чувство гордости) своей личности в целом; 6. Бета-гордость – чувство гордости за свое конкретное поведение.

Следует подчеркнуть, что один из роликов («Не пропусти выборы 1») экспериментатор демонстрировал респондентам на экране видеопроектора, поскольку хостинг YouTube заблокировал

его размещение в сети в связи с нарушением этических норм, которым следует данный хостинг. Это говорит о том, что рекламная кампания в Интернете, выполненная в рамках данной креативной концепции рекламного агентства, изначально должна была бы вызвать сомнение. Непонятно, как именно планировалось размещать такие ролики в сети Интернет, если было очевидно, что многие из них могли бы быть заблокированы по этическим нормам, принятым сегодня в социальных сетях.

Необходимо отметить и тот факт, что применение данной креативной концепции для распространения коммерческой рекламы однозначно привело бы к соответствующим санкциям и крупным штрафам со стороны Федеральной антимонопольной службы (ФАС), в ведомстве которой находятся подобные вопросы.

Тем не менее, статья 2 п.2.1. Федерального Закона «О рекламе» гласит, как было сказано выше, что данный закон на политически рекламу не распространяется, поэтому такие ролики могут получить лишь критику в СМИ и ограничение к распространению, но только со стороны общественности. Учитывая, что данная реклама фактически проплачивается из бюджетных средств, которые поступают всем политическим партиям, победившим на предшествующих выборах, в частности, в 2016 году¹, данная проблема становится актуальной и в психологическом, и в правовом аспектах.

Метод

В квазиэкспериментальном исследовании приняли участие 35 человек (65% девушек) в возрасте от 18 до 22 лет. Среди них к верующим отнесли себя 45,9%, к агностикам – 29,7% и к атеистам – 24,3%. «Вообще не смотрят центральные новостные каналы по телевизору» – 51,4%, смотрят каждый день – 5,4%, раз в неделю – 8,1% и реже, чем раз в неделю – 35,1%.

Активными пользователем социальных сетей Интернет являются 89,2%, время от времени пользуются сетями – 10,8%. Политические

¹ Государственное финансирование имеют политические партии, получившие более 5% голосов избирате-

лей на выборах, которые вошли в состав Государственной Думы, и преодолевшие 3% барьер, но не попавшие в нее.

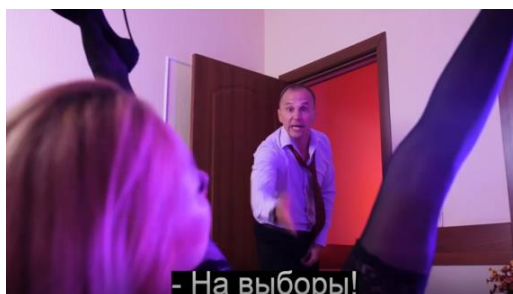
взгляды респондентов распределились следующим образом: полностью поддерживают существующий политический курс руководства страны – 5,4%, частично поддерживают – 48,6% и скорее не поддерживают – 45,9%.

Среди респондентов 5,4% считают, что люди сегодня по своим взглядам на происходящее в стране скорее едины. Что люди сегодня разобщены считают – 54,1%. Что они сегодня разделены на два противоположных и отчетливо заметных мировоззренческих лагеря считают – 40,5% респондентов.

С тем, что деятельность руководства страны сегодня полностью способствует улучшению

жизни населения, не согласны – 37,8% и скорее не согласны, чем согласны – 43,2%. Скорее согласны с этим утверждением 18,9% респондентов. Среди респондентов с одобрением относящихся к деятельности оппозиции оказалось 32,4%. С осуждением к деятельности оппозиции относятся – 10,8% и нейтрально – 56,8%.

Следует отметить, что данная выборка участников эксперимента, на наш взгляд, вполне репрезентативно отражает мнения студентов этого возраста в целом, поскольку по ответам во многом совпадает с данными, полученными нами в этом и других ВУЗах за последние несколько лет (Лебедев, Гордякова, 2020).

Не пропусти выборы 1

Не пропусти выборы 2

Быстрые свидания

Что-то новое 1

Что-то новое 2

Рис. 2. Скриншоты 5 видеороликов, предъявленных респондентам в качестве стимульного материала

Респондентам для оценки по методике семантического дифференциала были предоставлены ролики следующего содержания:

Ролик 1

«Не пропусти выборы 1»

В первом ролике разыгрывается эротический сюжет, в котором демонстрируется откровенная сексуальная прелюдия. В какой-то момент взгляд мужчины падает на наручные часы, и он в ужасе бежит к двери. Женщина кричит ему: «Ты куда?». На что он отвечает: «На выборы!». Ролик заканчивается надписью: «Не про...би выборы!».

Ролик 2

«Не пропусти выборы 2»

Во втором ролике также представлена эротическая сцена, когда мужчина приходит в гости к молодой девушке. Они начинают страстно обниматься. В какой-то момент девушка спрашивает: «А что ты сказал жене?». Он отвечает: «Сказал, что на выборы голосовать пошел». Она отталкивает его от себя и строго спрашивает: «А проголосовал?». На что он отвечает, что еще нет. Она полностью отстраняется от него, возвращает принесенный букет цветов и говорит: «Так пи...дуй!». Ролик заканчивается надписью: «Не про...би выборы! 17-19 сентября».

Ролик 3

«Быстрые свидания»

В третьем ролике разыгрывался сюжет «быстрых свиданий», когда за стол в кафе к девушке со значком № 9 на груди подсаживаются различные персонажи, олицетворяющие партии, указанные у нее в «выборном листе». У кандидата под №3 на бейсболке надпись: «ЛДПР». Однако все персонажи оказываются «неподходящими». Последним подсаживается мужчина с № 5 (номер ЕР в бюллетене) и спрашивает девушку: «Ну, как? Всех посмотрела? Кайфанула?» На что она отвечает: «Ну, такое себе». Мужчина предлагает ей пойти домой и сообщает о том, что он заказал ее любимую лазанью. Девушка спрашивает, не боялся ли он, что она выберет кого-нибудь другого. Мужчина отвечает, что нисколько не боялся, так как знает, что «лучше, чем с ним ей ни с кем не будет». Ролик заканчивается кадром, где на столе лежит избирательный бюллетень, на котором все партии вычеркнуты, кроме № 5. В финале зритель видит слоган: «Единая Россия – №5 в избирательном списке».

Ролик 4

«Что-то новое 1»

Четвертый и пятый ролики представляют собой некий «минисериал». В четвертом ролике разыгрывается сюжет в квартире. Молодой человек подходит к девушке на кухне и предлагает ей заняться сексом. Она говорит, что они уже две недели знакомы, а он опять предлагает ей просто секс, и нужно попробовать «что-нибудь новое». Молодой человек не отказывается, и они начинают «гуглить что-нибудь новое». В следующем кадре молодой человек оказывается «зафиксирован» в БДСМ гильотине, а его девушка собирается применить к нему фаллоимитатор. Молодой человек начинает нервничать и спрашивает: «Лена, ты уверена, что это нормально?». Она отвечает: «Не волнуйся, главное попробовать что-то новое». Далее следует душераздирающий крик молодого человека. В следующем кадре появляется врач, который сложными терминами объясняет, когда и как будет проходить выздоровление. Молодой человек просит объяснить проще, на что врач отвечает следующее: «Ж...па заживет через две недели». Молодой человек в отчаянии, а девушка восклицает: «Зато что-то новое попробовали». Молодой человек матом посылает девушку «подальше». Ролик заканчивается закадровой фразой «Новое ради нового – сомнительная затея. Выбирать надо то, в чем уверен». И надпись: «Единая Россия – проверено временем».

Ролик 5

«Что-то новое 2»

Пятый ролик начинается с того, что девушка везет молодого человека из предыдущего ролика на инвалидной коляске – он сидит на коленях задом наперед. Молодой человек говорит, что ему неудобно ехать, и что лучше бы поехать в ту больницу, в которой они всегда лечились. Девушка отвечает, что они едут к очень интересному доктору, у которого «на лице написано, что он как-то по-новому все лечит». И надо «попробовать что-то новое». Молодой человек отвечает, что именно после этой фразы у него и «заболела ж...па». В следующем кадре зритель видит дверь кабинета, на котором написано «Доктор новых наук Эмильев А.Д.». Затем из-за двери доносится крик молодого человека, который матерными словами ругает врача. Врач, выбегая из кабинета, громко оправдывается: «Я просто неправильно выставил уровень излучателя». За ним выходит облысевший молодой человек, угрожая «засунуть излучатель доктору в ж...пу». За молодым человеком выходит девушка и восклицает: «Зато что-то новое попробовали!». Молодой человек в ярости нецензурно ругает девушку. Ролик заканчивается так же, как и предыдущий закадровой фразой «Новое ради нового – сомнительная затея. Выбирать надо то, в чем уверен». И надписью: «Единая Россия – проверено временем».

Результаты и их анализ

Оценки всех роликов по методике семантического дифференциала оказались намного ниже, чем оценки «идеальной» политической рекламы. Ближе всех к значениям «идеальной» рекламы

оказался ролик «Быстрые свидания». Его респонденты оценили, как «красивый». (рис. 3).

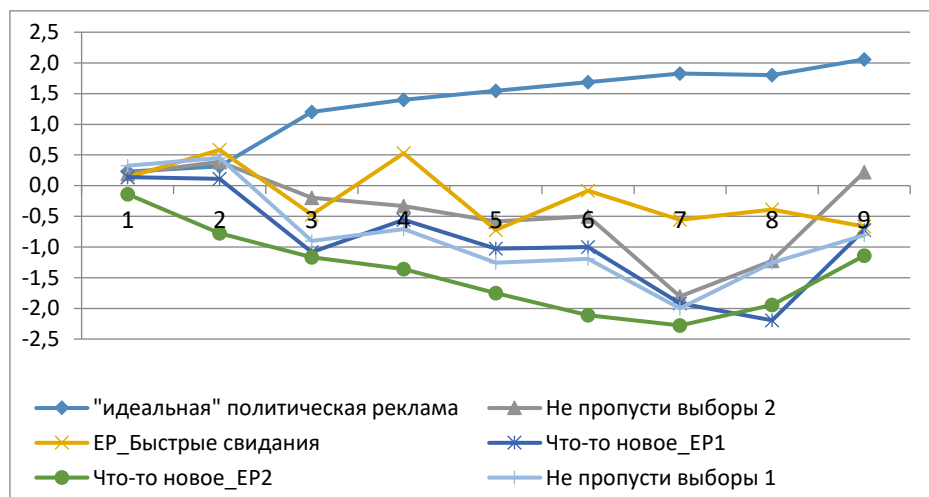

Рис. 3. График оценок политической рекламы по методике семантический дифференциал

При ответе на вопрос: «Людам какого возраста, по вашему мнению, может понравиться данный ролик?», примерно по 11% респондентов указали, что данные рекламные ролики «никому не могут понравиться». Также примерно 6-8% респондентов считают, что данные ролики могут понравиться людям любого возраста. В ответах остальных респондентов средний возраст людей, которым «мог бы понравиться тот или иной ролик», распределился следующим образом.

Ролики, призывающие прийти на выборы, по мнению респондентов, могут понравиться людям $\pm 30-34$ года. Ролики партии ЕР «Что-то новое», по их мнению, рассчитаны на людей ± 34 лет. Ролик «Быстрые свидания» – на людей ± 42 года.

Как следует из графика на рис. 4. обнаруживается заметная разница в оценках роликов «Что-то новое 1» и «Что-то новое 2». В результате беседы с респондентами выяснилось, что при восприятии этих роликов, предложенных рекламным агентством в качестве «мини-сериала», возникает некий «кумулятивный эффект» негативного отношения к выбранной рекламистами креативной

концепции. Из этого следует вывод, что данная форма подачи материала абсолютно неприемлема в политической рекламе, вызывающей негативные эмоции у потенциальных избирателей.

Была получена значимая связь между «частотой просмотра программ по телевизору» и альфа-гордостью по методике TOSCA ($-0,824$; $p < 0,003$) (использовался коэффициент ранговой корреляции Спирмена). То есть, чем чаще человек смотрит ТВ, тем выше склонность к позитивному оцениванию своей личности в целом. Можно предположить, что просмотр новостных программ по телевизору является фактором, поддерживающим высокую самооценку человека и повышающим чувство гордости.

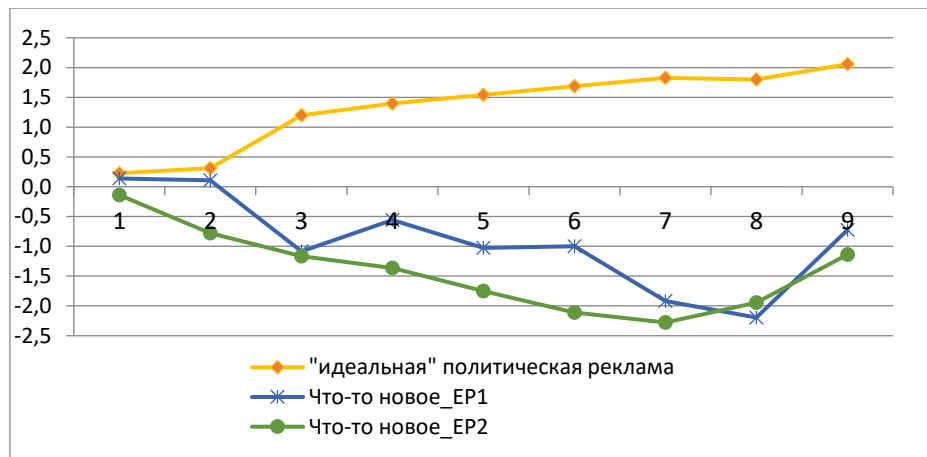

Рис. 4. График оценок роликов «Что-то новое» партии EP по методике семантический дифференциал

Анализ ответов на вопрос: «Может ли тот или иной ролик повлиять на положительный выбор рекламируемой партии», показал: респонденты считают, что «ни один ролик не может повлиять на выбор партии или мотивировать пойти на выборы». При этом ни один рекламный ролик не вызывает у респондентов чувство гордости, но практически все в той или иной степени вызывают у них чувство стыда.

При анализе оценок рекламного ролика «Не пропусти выборы 1» не было обнаружено статистически значимых связей со шкалами «вина», «стыд» и «гордость» по методике TOSCA. Оценки ролика «Не пропусти выборы 2» показали значимую связь со шкалой «стыд». Так, респонденты, склонные испытывать чувство стыда, оценили этот ролик как «грустный» (-0,648; $p < 0,04$) и «неубедительный» (-0,691; $p < 0,03$).

Оценки наиболее одиозных роликов «Что-то новое», которые вызвали у респондентов самое высокое чувство стыда, оказались статистически значимо связаны со шкалами «стыд» (-0,908) и «гордость» (-0,641) методики TOSCA. Эти ролики были оценены как «отталкивающие».

Ролик, партии Единая Россия «Быстрые свидетельства» респонденты с высокой самооценкой и чувством гордости оценили как «умный» (0,726; $p < 0,02$) и «красивый» (0,644; $p < 0,05$).

Таким образом, анализ результатов проведенного исследования показывает, что эпатажные политические ролики с обсенной лексикой, ориентированные на молодёжь, в данной группе респондентов оцениваются крайне негативно и не

способны позитивно повлиять на политический выбор молодых людей. Наоборот, такая реклама чаще всего вызывает спектр негативных эмоций и усиливает негативное отношение к рекламодателю, то есть к рекламируемой политической партии. Особенно это будет проявляться в том случае, если до рекламной кампании отношение к партии было нейтральным или негативным.

Что касается креативной рекламной концепции, позволившей производителю рекламы совместить эротическую тематику с весьма сомнительным юмором, то вероятнее всего, влияние на незрелую аудиторию, в наименьшей степени способную следовать этическим нормам, при массовом распространении такой рекламы приведет к эффекту «трансформации условных рекламных образов и сюжетов с юмором в реальные нормы мышления и поведения потребителей», описанных в работах А.Н. Лебедева (Лебедев-Любимов, 2007, 2008).

Заключение

С начала XX века в зарубежной и отечественной психологии нередко предпринимались попытки изучать влияние высших социальных эмоций (чувств) на оценку коммерческой рекламы и выбор товаров и услуг потребителями. Исследования показали, что эмоциональные переживания здесь играют значительную роль и могут оцениваться психологическими методами. Однако было бы неверно полагать что любая информация, которая распространяется на большую аудиторию,

способна заставить людей длительное время действовать так, как им несвойственно, тем более, если это противоречит их ценностям, моральным нормам, мировоззрению и пр. (Лебедев-Любимов, 2007). Особенно отчетливо это проявляется в отношении политической рекламы. Установлено, что существуют значительные психологические различия в реакциях людей при оценке ими коммерческой и политической рекламы, что требует новых подходов, эмпирических исследований и глубокого теоретического анализа.

Выводы

1. Креативная рекламная концепция видеоматериалов, которые явились предметом нашего исследования, вызвала крайне негативную эмоциональную реакцию или противоречивые чувства у респондентов молодого возраста, на которых она была рассчитана. Практически все рекламные ролики, которые были нами предъявлены респондентам, оценивались как «Уродливые», «Неубедительные», «Отталкивающие», «Глупые», «Неэтичные» и вызывали чувство стыда. Рекламные ролики в виде «минисериала» получили негативные эмоциональные оценки респондентов и привели к возникновению нежелательного «кумулятивного эффекта», то есть к накоплению отрицательных переживаний.

2. Психологически неэффективная рекламная продукция, которую некоторые рекламные агентства представляют заказчиком, по сути является бесполезной тратой их материальных средств. Она может нанести ущерб не только заказчику, в нашем случае политической партии, но и оказать негативное влияние на нецелевые группы при случайном просмотре. Особенно опасным такое влияние оказывается при проведении именно политических кампаний, поскольку политическая реклама не регулируется и не ограничивается Федеральным Законом «О рекламе», а механизмы саморегуляции в политике не работают.

3. По нашему убеждению, политическая реклама должна регулироваться соответствующими законами Российской Федерации, так как рекламные материалы, попадающие в широкий доступ случайно или преднамеренно и целенаправленно,

например, в социальные сети, могут приносить моральный ущерб не только политическим конкурентам и сторонником партии, но и населению страны в целом.

Литература

Гриценко В.В., Смотров Т.Н., Гавронова Ю.Д. Теоретический анализ исследований коллективной вины и коллективного стыда в зарубежной психологии / Психологические исследования. Электронный журнал. Том. 7, № 35, 2014.

Ениколопов С.Н. Аprobация методики измерения склонности к переживанию чувств вины и стыда (GASP) // Вопросы психологии. 2014. № 4. С. 118-125.

Изард К. Психология эмоций. СПб.: Питер, 2008.

Котлер Ф., Армстронг Г., Вонг В. Основы маркетинга. – М.: Вильямс, 2019.

Лебедев А.Н. Психологическая, экономическая и социальная эффективность рекламы в структуре современных маркетинговых коммуникаций // Психологический журнал. № 2. 2015. С. 5-19.

Лебедев А.Н., Гордякова О.В. Высшие социальные эмоции потребителей в системе маркетинговых коммуникаций // Институт психологии Российской академии наук. Социальная и экономическая психология. 2020. Том 5. № 4(20). С. 218-245. URL: <http://www.soc-econom-psychology.ru/cntnt/bloks/dop-menu/archive/n2020/t5-4/n20-04-09.html> DOI: 10.38098/ipran.sep.2020.20.4.009 (дата обращения: 08.12.2020).

Лебедев А.Н., Гордякова О.В. Личность в системе маркетинговых коммуникаций. М.: Изд-во «Институт психологии РАН», 2015.

Лебедев-Любимов А.Н. Психология в маркетинге. Cool-Brand-стратегия. СПб.: Питер, 2008.

Лебедев-Любимов А.Н. Психология рекламы. 2-е издание, переработанное и дополненное. СПб.: Питер, 2007.

Макагон И.К., Ениколопов С.Н. Аprobация методики измерения чувства вины и стыда (test of self-conscious affect-3 – tosc-3) // Теоретическая и экспериментальная психология. 2015. № 8. С. 1-6.

Недяк И.Л. Политический маркетинг. Основы теории. М. Изд-во «Весь мир». 2008.

Ульяновский А.В. Маркетинговые коммуникации: 28 инструментов миллениума. – М.: Эксмо, 2008.

Федеральный закон «О рекламе». Текст с изменениями и дополнениями на 2020 год. М.: Эксмо, 2020.

Bidell W.W. (1931). A Psychological Definition of Propaganda. *Journal of Abnormal and Social Psychology*.

Broucek F.J. (1982). Shame and its relationship to early narcissistic development. *The International Journal of Psycho-Analysis*. V.63. P. 369-378.

Choucas M. (1965). *Propaganda Comes of Age*. Washington.

Doob L. (1966). *Public Opinion and Propaganda*. Hamden.

Gallo S. (1955). *Psychologia della Radio e TL'lovisiono*. Roma.

Iyer A., Schmader T., Lickel B. (2007). Why Individuals Protest the Perceived Transgressions of Their Country: The Role of Anger, Shame, and Guilt. *Personality and Social Psychology Bulletin*, V.33. Issue 4, Pp.572-587.

Lewis H.B. (1971). Shame and Guilt in Neurosis // *The Psychoanalytic Review*. New York. № 58(3). P. 419-438.

Maletzke G. (1963). *Psychologie der Massenkommunikation*. Hamburg.

Nathanson D.L. (1987). A timetable for shame. In D.L. Nathanson (Ed.), *The many faces of shame*. pp. 1-63. New York, NY: Guilford Press.

Schmader T., Lickel B. (2006). The approach and avoidance function of guilt and shame emotions: comparing reactions to self-caused and other-caused wrongdoing // *Motivation and Emotion*. № 30(1). P. 43-56.

Steinberg B.S. (1991). Psychoanalytic Concepts in International Politics: The Role of Shame and Humiliation. *Int. R. Psycho-Anal.* №18. Pp. 65-85.

Tomkins S. (2008). *Affect Imagery Consciousness: Anger and Fear*. New York: Springer.

Статья поступила в редакцию 25.09.2021.

THE INFLUENCE OF FEELINGS OF SHAME AND PRIDE ON THE ATTITUDE OF CONSUMERS TO SHOCKING POLITICAL ADVERTISING

© Gordyakova O.V.

Ph.D. (psychology), professor, department of social psychology,
n-SEPE HE «Moscow Institute of Psychoanalysis», Moscow, Russia
o_gordyakova@mail.ru

This work was supported by RFBR, grant № 19-013-00155 A “Influence of higher social emotions on consumer's choice of goods and services in the system of marketing communications”.

The article deals with the problem of the influence of higher social emotions (feelings), in particular, shame and pride, effectiveness of political advertising. A comparative analysis of the psychological characteristics of merchant and political advertising is carried out. The results of a psychological quasi-experimental study, where outrageous video ads urging to participate in the 2021 State Duma elections were used as the stimulus, are presented in the article. The study showed an extremely negative attitude to the political advertising provided to the respondents revealing its low psychological effectiveness. It was shown that ads using obscene vocabulary and moronic jokes, in particular, makes appalling impression on young citizens, and therefore does not enhance the reputation of political parties among this category of voters.

Keywords: higher social emotions, feelings, shame, pride, marketing, marketing communications, political advertising, shocking advertising, semantic differential

REFERENCES

- Gricenko V.V., Smotrova T.N., Gavronova Yu.D.* (2014). Teoreticheskij analiz issledovaniy kollektivnoj viny` i kollektivnogo sty`da v zarubezhnoj psixologii / Psixologicheskie issledovaniya. Elektronny`j zhurnal. Tom. 7, № 35.
- Enikolopov S.N.* (2014). Aprobaciya metodiki izmereniya sklonnosti k perezhivaniyu chuvstv viny` i sty`da (GASP) // Voprosy` psixologii. № 4. P. 118-125.
- Izard K.* (2008). Psixologiya e`mocij. SPb.: Piter.
- Kotler F., Armstrong G., Vong V.* (2019). Osnovy` marketinga. M.: Vil`yams.
- Lebedev A.N.* (2015). Psixologicheskaya, e`konomicheskaya i social`naya e`ffektivnost` reklamy` v strukture sovremenny`x marketingovy`x kommunikacij // Psixologicheskij zhurnal. № 2. P. 5-19.
- Lebedev A.N., Gordyakova O.V.* (2020). Vy`sshie social`ny`e e`mocii potrebitelej v sisteme marketingovy`x kommunikacij // Institut psixologii Rossijskoj akademii nauk. Social`naya i e`konomicheskaya psixologiya. V 5. № 4(20). P. 218-245. URL: <http://www.soc-econom-psychology.ru/cntnt/bloks/dop-menu/archive/n2020/t5-4/n20-04-09.html> DOI: 10.38098/ipran.sep.2020.20.4.009 (data obrasheniya: 08.12.2020).
- Lebedev A.N., Gordyakova O.V.* (2015). Lichnost` v sisteme marketingovy`x kommunikacij. M.: Izd-vo «Institut psixologii RAN».
- Lebedev-Lyubimov A.N.* (2008). Psixologiya v marketinge. Cool-Brand-strategiya. SPb.: Piter.
- Lebedev-Lyubimov A.N.* (2007). Psixologiya reklamy`. 2-e izdanie, pererabotannoe i dopolnennoe. SPb.: Piter.
- Makagon I.K., Enikolopov S.N.* (2015). Aprobaciya metodiki izmereniya chuvstva viny` i sty`da (test of self-conscious affect-3 – tosc-a-3) // Teoreticheskaya i e`ksperimental`naya psixologiya. № 8. P. 1-6.
- Nedyak I.L.* (2008). Politicheskij marketing. Osnovy` teorii. M. Izd-vo «Ves` mir».
- Ul`yanovskij A.V.* (2008). Marketingovy`e kommunikacii: 28 instrumentov milleniума. M.: E`ksmo.

Federal'ny'j zakon «O reklame». Tekst s izmeneniyami i dopolneniyami na 2020 god. M.: E'ksmo, 2020.

Bidell W.W. (1931). A Psychological Definition of Propaganda. *Journal of Abnormal and Social Psychology*.

Broucek F.J. (1982). Shame and its relationship to early narcissistic development. *The International Journal of Psycho-Analysis*. V.63. P. 369-378.

Choucas M. (1965). *Propaganda Comes of Age*. Washington.

Doob L. (1966). *Public Opinion and Propaganda*. Hamden.

Gallo S. (1955). *Psychologia della Radio e TL'lovisiono*. Roma.

Iyer A., Schmader T., Lickel B. (2007). Why Individuals Protest the Perceived Transgressions of Their Country: The Role of Anger, Shame, and Guilt. *Personality and Social Psychology Bulletin*, V.33. Issue 4, Pp.572-587.

Lewis H.B. (1971). Shame and Guilt in Neurosis // *The Psychoanalytic Review*. New York. № 58(3). P. 419-438.

Maletzke G. (1963). *Psychologie der Massenkommunikation*. Hamburg.

Nathanson D.L. (1987). A timetable for shame. In D.L. Nathanson (Ed.), *The many faces of shame*. pp. 1-63. New York, NY: Guilford Press.

Schmader T., Lickel B. (2006). The approach and avoidance function of guilt and shame emotions: comparing reactions to self-caused and other-caused wrongdoing // *Motivation and Emotion*. № 30(1). P. 43-56.

Steinberg B.S. (1991). Psychoanalytic Concepts in International Politics: The Role of Shame and Humiliation. *Int. R. Psycho-Anal.* №18. Pp. 65-85.

Tomkins S. (2008). *Affect Imagery Consciousness: Anger and Fear*. New York: Springer.

The article was received 25.09.2021.

СОЦИАЛЬНАЯ ПСИХОЛОГИЯ ПАНИКИ: К ИСТОРИИ ВОПРОСА

© **Богданчиков С.А.**

к.пс.н., доцент кафедры психологии и педагогики
Академии социального управления, г. Москва, Россия
bogdanchsa@gmail.com

© **Харитонов Е.В.**

к.пс.н., старший научный сотрудник лаборатории истории психологии
и исторической психологии Института психологии РАН, г. Москва, Россия
haritonovaEV@ipran.ru

С целью постижения паники как значимого психологического феномена авторы статьи обращаются к истории вопроса, в связи с чем затрагиваются работы Ч. Маккея (1841), Г. Лебона (1895), В.М. Бехтерева (1898, 1908, 1920), Д.Д. Безсонова (1907, 1911), И.И. Измestьева (1911), А.С. Прангшвили (1967), Р. Чалдини (2002), а также современные психологические словари. В заключение обращается внимание на продуктивность проведения исторических параллелей в контексте насущных задач современного российского общества.

Ключевые слова: паника, история психологии, социальная психология, военная психология, чувство тревоги, внушение, рефлексология, установка

Паника – один из ярких психологических феноменов, в изучении которого тесно переплетаются индивидуально-психологические и социально-психологические закономерности, сугубо теоретические и чисто прикладные аспекты, а также академические и житейские интересы и точки зрения.

В книге «Социальная психология» Р. Чалдини с соавторами (Чалдини, Кенрик, Нейберг, 2002) в качестве одного из первых исследований паники указывается книга Чарльза Маккея (MacKay С. 1841), которая вышла в Нью-Йорке в 1841 г. В параграфе «Массовая истерия» Р. Чалдини и его соавторы отмечают: «На протяжении истории люди поддавались странным массовым иллюзиям – во все эпохи случались всплески лихорадочной активности, возникали мании или приступы паники. В своем классическом исследовании «сумасшествия толпы» Чарльз Маккей перечислил сотни инцидентов, произошедших до публикации книги в 1841 году.

Стоит отметить, что многие эти случаи обладали одной и той же чертой – заразительностью. Часто все начиналось с того, что один человек или

группа предпринимала какое-либо действие, а затем лихорадка охватывала все население. Действия распространялись на наблюдателей, которые впоследствии вели себя так же и подкрепляли правильность поступков для других наблюдателей, в свою очередь присоединявшихся к ним» (Чалдини, Кенрик, Нейберг, 2002, С. 234). Приведем два выразительных примера из этой книги, хорошо показывающих особенности паники как социально-психологического феномена.

Интересный случай «произошел в современном Сингапуре, когда без всякой причины клиенты местного банка один за другим начали забирать свои деньги, словно в припадке безумия. Такой набег на уважаемый банк представлялся загадкой, пока намного позже не выяснилось, в чем причина. Исследователи провели интервью с клиентами и выяснили, что из-за неожиданной забастовки водителей автобуса в тот день на остановке собралась очень большая толпа народу. А остановка находилась как раз рядом с банком. Один прохожий по ошибке принял толпу за людей, собирающихся забрать свои деньги из обанкротившегося банка, впал в панику и встал в оче-

редь, чтобы забрать свои сбережения. Его примеру последовали и другие. Вскоре иллюзия стала реальностью, и через некоторое время после открытия банк вынужден был закрыться, чтобы избежать банкротства (News, 1988). В целом большинство людей чувствует, что их поведение оправданно, когда многие другие люди совершают такие же поступки. Такая социальная валидизация массовых иллюзий ведет порой к совершенно иррациональным поступкам, которые, как кажется людям, правильны не из-за того, что есть точные доказательства в их пользу, а просто потому, что многие другие люди сделали тот же выбор» (Чалдини, Кенрик, Нейберг, 2002, С. 235).

Второй случай Р. Чалдини с соавторами рассматривают как проявление потребности в получении социальной поддержки: «В 8 часов вечера 30 октября 1938 года массовая паника охватила США. Паника началась сразу после того, как в сообщениях по радио передали о странном объекте, приземлившемся в Гроверс Милл, штат Нью-Джерси. Комментаторы говорили о том, что на землю опустился странный, гудящий цилиндрический объект и этот объект внезапно начал открываться. Затем послышались леденящие кровь крики, от объекта отделилось странное создание и стало изрыгать пламя на прохожих. Тут передача прервалась, и последовали срочные сообщения о тысячах погибших людей, по мере того как этот объект продвигался к Нью-Йорку.

Позже радиопередачи сообщали о других пришельцах, приземляющихся в разных местах атлантического побережья. Как писал психолог из Принстонского университета Хэдли Кантрил, около миллиона людей обманулись и поверили в реалистичность радиопередач. Охваченные ужасом массы американцев включили радио слишком поздно и не знали, что репортажи были частью драматического представления о марсианском вторжении, описанном в романе Герберта Уэллса «Война миров» (Чалдини, Кенрик, Нейберг, 2002, С. 267).

Впрочем, авторы современных психологических словарей убеждают нас в том, что паника – предмет хорошо изученный. В частности, А.П. Назаретян и Ю.А. Шерковин в авторитетном «Психологическом лексиконе» раскрывают поня-

тие массовой паники в социально-психологическом контексте: «Паника массовая (греч. *panikon* – безотчетный ужас) – один из видов поведения толпы. Психологически характеризуется состоянием массового страха перед реальной или воображаемой опасностью, нарастающего в процессе взаимного заражения и блокирующего способность рациональной оценки обстановки, мобилизацию волевых ресурсов и организацию совместного противодействия.

Взаимодействующая группа людей тем легче вырождается в паническую толпу, чем менее ясны или субъективно значимы общие цели, чем ниже сплоченность группы и авторитет ее лидеров. Выделяют социально-ситуативные условия возникновения массовой паники, связанные с общей обстановкой психической напряженности, вызывающей состояние тревоги, ожидание тяжелых событий (землетрясение, война, военный переворот и т.д.); общепсихологические условия (неожиданность, испуг, связанный с недостатком сведений о конкретном источнике опасности, времени ее возникновения и способах противодействия); физиологические условия (усталость, голод, опьянение и т.д.). Подробное изучение условий и механизмов возникновения и развития массовой паники позволяет разрабатывать специальные меры для профилактики и прекращения уже возникшей массовой паники (Социальная психология. Словарь, 2005, С. 138).

В не менее авторитетном «Психологическом словаре» Р.С. Немова паника характеризуется как определенное массовидное явление: «Паника – одно из массовидных явлений психики, представляющее собой состояние повышенной неупорядоченной активности и беспокойства, возникающее в больших группах людей (массах) под влиянием факторов, несущих в себе реальную или потенциальную, но достаточно серьезную угрозу для их жизни и благополучия. Паника сопровождается сильно выраженными эмоциями (аффектами) типа страха, ужаса, беспокойным и неорганизованным, инстинктоподобным поведением.

Паника нередко возникает под воздействием не реальной, действительной угрозы, а только слухов о возможности такой угрозы (например, слухах о предстоящем резком ухудшении матери-

альных условий жизни людей). Состояние паники, однажды возникнув, далее передается от человека к человеку с помощью таких механизмов взаимного психологического влияния людей друг на друга, как заражение, подражание и внушение. См. аффект, внушение, заражение, инстинкт, массовидные явления психики, подражание» (Немов, 2007, С. 278).

Если обращаться к истории вопроса, а именно, к истокам научного подхода к феномену паники, то в качестве одной из важных вех, наряду с упомянутой выше книгой Чарльза Маккея, следует указать книгу Г. Лебона «La Psychologie des Foules» – «Психология толпы» (другие варианты перевода названия книги на русский язык – «Психология масс», «Психология народов и масс»).

Первое издание книги Г. Лебона вышло в Париже в 1895 г., в России книга впервые вышла в переводе на русский язык два года спустя, в 1896 г. В этой книге Г. Лебон вполне в духе своего времени сближает механизм возникновения и развития паники с процессом установления ассоциативной связи, микробной инфекцией («заразой») и даже распространением... умственных помешательств. Г. Лебон отмечает: «После того, как какое-нибудь утверждение повторялось уже достаточное число раз, и повторение было единогласным (как это можно наблюдать, скажем, на примере некоторых финансовых предприятий, пользующихся известностью и достаточно богатых, чтобы купить себе поддержку общественного мнения), образуется то, что называется течением, и на сцену выступает могущественный фактор – зараза.

В толпе идеи, чувства, эмоции, верования – все получает такую же могущественную силу заразы, какой обладают некоторые микробы. Это явление вполне естественное, и его можно наблюдать даже у животных, когда они находятся в стаде. Паника, например, или какое-нибудь беспорядочное движение нескольких баранов быстро распространяется на целое стадо. В толпе все эмоции также точно быстро становятся заразительными, чем и объясняется мгновенное распространение паники. Умственные расстройства, например, безумие, также обладают заразительностью. Известно, как часто наблюдаются случаи умопомешательства среди психиатров, а в последнее

время замечено даже, что некоторые формы, например, агорафобия, могут даже передаваться от человека животным» (Лебон, 1995, С. 139-140).

В начале XX века вопросы управления массами приобретают все большую актуальность – «в обстановке, когда революционное движение охватывало народные массы, а армии нужно было нести функцию охраны государственного порядка» (Безсонов, 1907, С. 356). В.М. Бехтерев, П.И. Измestьев, Д.Д. Безсонов и другие обращались в своих работах к групповым явлениям, выделяя панику как наиболее сильную и опасную коллективную эмоцию не только в армии, но и для гражданского населения. Причинами паники может стать испытываемое большой группой людей коллективное чувство тревоги, беспомощности и ощущения угрозы безопасности, при этом вызываться эти чувства могут как действительно существующими причинами, так и обусловленными ложным восприятием, обманом чувств.

Так, например, случаи паники в армии часто скрывались, но после поражений в русско-японской войне П.И. Измestьев написал: «...сам факт паники может быть и поучителен, так как всестороннее ее исследование может помочь избежать ее в будущем» (Измestьев, 1911, С. 8).

Описывая и изучая в своей работе многочисленные случаи паники, П.И. Измestьев приходит к выводу: «Паника всегда была, есть и будет. Паника – дело инстинкта самосохранения» (Измestьев, 1911, С. 25). Поэтому он считает, что предупредить панику легче, чем ее остановить, а возможно и помешать ее возникновению. Для этого предлагается специально организованная целенаправленная работа, включающая в себя: «1. Соответствующее воспитание солдата. 2. Сила воли начальника, способность импонировать на массу. 3. Предусмотрительность начальника» (Измestьев, 1911, С. 2).

При этом автор отмечает необходимость формирования в армии такого коллективного чувства как «дух товарищества». «К сожалению, его сейчас в армии нет. Мы, военные, должны чувствовать и сознавать, что все мы одна семья, соединенная одной и той же задачей, и призванием. Надо развивать любовь, уважение, доверие одного рода оружия к другому, сознание, что одни

без другого существовать не могут» (Измествьев, 1911, С. 35).

Психологические исследования солдат и офицеров в реальных боевых условиях на протяжении двух лет проводил ученик В.М. Бехтерева, участник действующей армии в русско-японской войне врач Г.Е. Шумков. Собрав богатейший материал, он пишет книгу «Психика бойцов во время сражения», но она включает в себя только незначительную часть проведенного исследования. Многие материалы Г.Е. Шумков публикует в журнале «Военный сборник» с 1912 по 1914 гг. Представляется, что многие работы автора не утратили актуальности, и современное издание всех собранных материалов было бы полезно и, несомненно, вызовет интерес у современных читателей.

Особого внимания, на наш взгляд, заслуживает, описываемое Г.Е. Шумковым «начало», объединяющее людей в совместной военной деятельности. Автор выделяет особое чувство, которое доминирует над всеми, объединяет людей, нивелирует индивидуальность каждого, заставляет объединяться в общность – это чувство тревоги. «Чувством, объединяющим индивидуальности разных настроений и характеров, чувством, стирающим особенности личностей и превращающим человека как бы в один для всех людей шаблон, является, по нашему мнению, чувство тревоги» (Шумков, 1914, С. 89).

Чувство тревоги, по мнению Г.Е. Шумкова, отличает особый психофизиологический комплекс. Так, со стороны умственной сферы отмечается концентрация внимания, мыслей на предмете тревоги, тревожные мысли постоянно беспокоят человека, наблюдается сложность переключения, снижается критичность и повышается внушаемость. Наблюдается частая смена настроений, неустойчивость чувств, нетерпение и на этом фоне стремление к объединению с другими, сплочение с группой, подчинение доминантному лидеру.

Чувство тревоги, которое испытывают солдаты перед боем, вызывает и другие общие чувства и настроения – «коллективная радость», «коллективная печаль». «В силу общих совместных коллективных чувств или настроений у находящихся в тревоге появляются коллективные же поступки и действия, по крайней мере в простых

проявлениях: идти, достичь, разрушить, удалиться...» (Шумков, 1914, С. 92). Чувство тревоги, таким образом, оказывает влияние на психологическое сплочение толпы, в которой непременно появится выразитель общих мыслей и чувств, взявший на себя роль лидера. «Чувство тревоги – есть тот психологический цемент, при помощи которого люди, даже разных душевных свойств, могут объединяться «психологически» с наличием однородных мыслей, чувств и действий. Без наличия чувства тревоги не может произойти в людях объединения в «психологическую толпу»» (Шумков, 1914, С. 94).

Г.Е. Шумков делает вывод, что, изучая психофизиологические свойства людей, испытывающих чувство тревоги, можно сделать решительный шаг на пути к научному познанию психологии масс в целом.

Большое внимание уделил панике В.М. Бехтерев в своей книге «Роль внушения в общественной жизни» (1898, последующие издания – 1903, 1908, 1928; есть современные издания), в отдельном параграфе «Паники среди людей и животных» (Бехтерев, 1908, С. 144-149). В этой работе В.М. Бехтерев характеризует панику как одной из проявлений «психической эпидемии» («психической заразы»): «Один из ярких примеров психических эпидемий, правда, кратковременного свойства, представляет то, что называется паникой. Эта психическая эпидемия развивается в народных собраниях, когда, вследствие тех или других условий, к сознанию массы прививается идея о неминуемой смертельной опасности» (Бехтерев, 1908, С. 144). Далее В.М. Бехтерев приводит целый ряд ярких примеров паники, в том числе из собственной студенческой жизни (Бехтерев, 1908, С. 146-147), а также из военной области.

Позже в «Коллективной рефлексологии» (первое издание – 1920 г.) В.М. Бехтерев раскрывал процесс паники через механизмы внушаемости, подчеркивая при этом роль настроения людей: «Подготовка, обусловленная демагогическими приемами вожака, сопровождаемая соответствующими жестами и мимикой, обуславливает однородный характер настроения, что, в свою очередь, определяет направление активного отношения

толпы, ибо подъем настроения обязательно сопряжен с готовностью к действию. Как известно, при таких условиях бывает достаточно одного слова или даже жеста, действующего наподобие приказа, чтобы толпа совершила известное деяние. Наоборот, упадок настроения есть благоприятная почва для паники, которая наступает иногда в одно мгновение под влиянием какого-либо, иногда даже вздорного, заявления или крика» (Бехтерев, 1994, С. 112).

В рамках своего подхода В.М. Бехтерев рассматривал явление паники как «коллективный рефлекс»: «По-видимому, и коллектив не лишен возможности проявления при известных условиях рефлексов обыкновенного типа. К таким именно коллективным рефлексам обыкновенного типа, по моему мнению, следует отнести коллективные рефлекс в виде паники толпы и безмотивного нападения, т.е. коллективных рефлексов оборонительного и наступательного характера, развивающихся путем заразы.

Паника представляет собою безотчетный оборонительный рефлекс бегства, проявляемый целым коллективом без всякого соответствия с внешними обстоятельствами и часто даже без достаточного повода или же при каком-либо незначительном поводе. Такие паники известны и среди животных (так называемые стампеды), например, в стадах лошадей, свиней и т. п. Уже в евангелии говорится о вхождении злого духа в стадо свиней, которое бросается в море и погибает. ... Характерной особенностью всех такого рода паник, помимо их шаблонного, чисто автоматического проявления в форме безудержного бегства, служит безотчетный характер самого рефлекса, ибо после паники обыкновенно никто не может сказать, почему он побежал и как случилось все происшедшее» (Бехтерев, 1994, С. 126-127).

Далее (в главе 11 «Развитие коллективных движений по типу сочетательных рефлексов») В.М. Бехтерев описывал механизм развития «коллективного сочетательного рефлекса». Обратим внимание на то, что В.М. Бехтерев писал, используя наиболее наглядные для того времени примеры и иллюстрации: «Из рефлексологии мы знаем, что сочетательный рефлекс развивается на почве обыкновенного рефлекса и является в сущности

его воспроизведением. То же мы имеем и в отношении коллективных рефлексов. Представим себе умиряемую полицейским нарядом толпу, которая устремляется в паническое бегство под влиянием расстрела, это – обыкновенный коллективный рефлекс.

Когда коллектив подвергается избиению и можно слышать раздающиеся из его среды проклятия, стоны и раздражающие крики, это тоже обыкновенный рефлекс. Но когда раздаются те же проклятия, стоны и крики со стороны коллектива в то время, когда он взволнован прочувствованной речью об истязаниях, совершенных над близкими ему людьми, это уже сочетательный коллективный рефлекс.

Когда толпа разбегается в стороны под влиянием простой угрозы, это тоже сочетательный коллективный рефлекс. Отсюда очевидно, что в отношении развития коллективного сочетательного рефлекса мы знаем постоянную аналогию с развитием индивидуального сочетательного рефлекса, ибо ясно, что и там, и здесь сочетательный рефлекс, будет ли он индивидуальный или коллективный, развивается на почве обыкновенного рефлекса, являясь его воспроизведением при действии раздражителя, бывшего совместным с рефлексогенным основным раздражением» (Бехтерев, 1994, С. 131).

Динамику процесса паники В.М. Бехтерев объяснял с помощью выведенного им общенаучного «закона инерции»: «Благодаря тому же закону инерции, власть даже без достаточной опоры в населении держится еще долгое время после того, как она утрачивает общие симпатии и поддержку. Известно также, что начавшаяся паника продолжается некоторое время и после того, как для нее уже нет больше оснований. С другой стороны, под влиянием одержанного успеха войска идут дальше того, что им предоставлено взять по задуманному плану, и часто встречают непредвиденное сопротивление» (Бехтерев, 1994, С. 251).

В советский период явление паники весьма основательно изучалось в школе Д.Н. Узнадзе. В частности, об этом можно судить по главе «Социальная психология паники в свете понятия установки» в книге А.С. Прангишвили «Исследования по психологии установки» (Прангишвили, 1967, С. 206-278).

В заключение отметим, что чувство тревоги, достаточно распространенное в современном российском обществе, особенно в связи с пандемией коронавирусной инфекции, подводит нас к мысли, что обращение к историческому материалу сохраняет свою актуальность и значимость, открывая возможность рассмотрений исторических параллелей России в начале XX века и России начала XXI века как в области психологии народов, масс и толпы, так и в области соответствующих эмоциональных состояний, с последующим выходом на возможности управления ими.

Литература

Бехтерев В.М. Внушение и его роль в общественной жизни. 3-е, значительно дополненное издание. СПб.: Издание К.Л. Риккера, 1908.

Бехтерев В.М. Избранные работы по социальной психологии. М.: Наука, 1994. (Памятники психологической мысли).

Бехтерев В.М. Проблемы развития и воспитания человека. / Под ред. А.В. Брушлинского, В.А. Кольцовой. М., 1997.

Безсонов Д.Д. Особенная часть военно-уголовного права. СПб, 1911.

Безсонов Д.Д. Массовые преступления в общем и военно-уголовном праве. СПб., 1907.

Изместьев П.И. Из области военной психологии. Варшава, 1911.

Лебон Г. Психология народов и масс: СПб.: Макет, 1995.

Немов Р.С. Психологический словарь / Р.С. Немов. М.: Гуманитар. изд. центр ВЛАДОС, 2007.

Прангивили А.С. Исследования по психологии установки. Тбилиси: Мецниереба, 1967.

Социальная психология. Словарь / Под ред. М.Ю. Кондратьева // Психологический лексикон. Энциклопедический словарь в шести томах / Ред.-сост. Л.А. Карпенко. Под общ. ред. А.В. Петровского. М.: ПЕР СЭ, 2005.

Чалдини Р., Кенрик Д., Нейберг С. Социальная психология. Пойми себя, чтобы понять других! СПб.: прайм-ЕВРОЗНАК, 2002.

Шумков Г.Е. Роль чувства тревоги в психологии масс, как начала нивелирующего индивидуальности // Военный сборник. 1914. №9. С. 86-94.

MacKay С. (1841/1932). Popular delusions and the madness of crowds. New York: Farrar, Straus, and Giroux.

Статья поступила в редакцию 24.09.2021.

THE SOCIAL PSYCHOLOGY OF PANIC: TO THE HISTORY OF THE ISSUE

© **Bogdanchikov S.A.**

Ph.D. (psychology), Academy of Social Management, Moscow, Russia

bogdanchsa@gmail.com

© **Kharitonova E.V.**

Ph.D. (psychology), Institute of Psychology of the Russian Academy of Sciences, laboratory of History of Psychology and Historical Psychology, Moscow, Russia

haritonovaEV@ipran.ru

In order to grasp panic as a significant psychological phenomenon, the authors of the article turn to the history of the issue, in connection with which the works of Ch. McKay (1841), G. Lebon (1895), V. M. Bekhterev (1898, 1908, 1920), D. D. Bezsonov (1907, 1911), I. I. Izmestyev (1911), A. S. Prangishvili (1967), R. Cialdini (2002), as well as modern psychological dictionaries. In conclusion, attention is drawn to the productivity of drawing historical parallels in the context of the urgent tasks of modern Russian society.

Keywords: panic, history of psychology, social psychology, military psychology, anxiety, suggestion, reflexology, attitude

REFERENCES

Bekhterev V.M. (1908). *Vnushenie i ego rol` v obshhestvennoj zhizni. 3-e, znachitel`no dopolnennoe izdanie.* SPb.: Izdanie K.L. Rikera.

Bekhterev V.M. (1994). *Izbranny`e raboty` po social`noj psixologii.* M.: Nauka. (Pamyatniki psixologicheskoy my`sli).

Bekhterev V.M. (1997). *Problemy` razvitiya i vospitaniya cheloveka.* / Pod red. A.V. Brushlinskogo, V.A. Kol`czovoj. Moscow.

Bezsonov D.D. (1911). *Osobennaya chast` voenno-ugolovno go prava.* SPb.

Bezsonov D.D. (1907). *Massovy`e prestupleniya v obshhem i voenno-ugolovnom prave.* SPb.

Izmest`ev P.I. (1911). *Iz oblasti voennoj psixologii.* Varshava.

Lebon G. (1995). *Psixologiya narodov i mass:* SPb.: Maket.

Nemov R.S. (2007). *Psixologicheskij slovar` / R.S. Nemov.* M.: Gumanitar. izd. centr VLADOS.

Prangishvili A.S. (1967). *Issledovaniya po psixologii ustanovki.* Tbilisi: Mecznieraba.

*Social`naya psixologiya. Slovar` / Pod. red. M.Yu. Kondrat`eva // Psixologicheskij leksikon. E`nciklopedicheskij slovar` v shesti tomakh / Red.-sost. L.A. Karpenko. Pod obshh. red. A.V. Petrovskogo.* M.: PER SE`. 2005.

Chaldini R., Kenrik D., Nejberg S. (2002). *Social`naya psixologiya. Pojmi sebya, chtoby` ponyat` drugix!* SPb.: prajm-EVROZNAK.

Shumkov G.E. (1914). *Rol` chuvstva trevogi v psixologii mass, kak nachala niveliruyushhego individual`nosti // Voenny`j sbornik. №9. P. 86-94.*

MacKay C. (1841/1932). *Popular delusions and the madness of crowds.* New York: Farrar, Straus, and Giroux.

The article was received 24.09.2021.

Методы и методики

ПАНИКА И ПАНИЧЕСКОЕ РАССТРОЙСТВО: МЕТОДЫ ДИАГНОСТИКИ И ТЕРАПИИ

© Ковпак Д.В.

к.м.н., кафедра психотерапии, медицинской психологии и сексологии Северо-Западного Государственного Медицинского Университета им. И.И. Мечникова,
Международный консультативный комитет Института Бека
kovpak@list.ru

В статье рассматривается состояние паники, панические атаки и паническое расстройство. Даны описания клинических феноменов и симптомов панического расстройства, описаны проблематика и недостатки современных гипотез и представлений об этиопатогенезе панического расстройства и факторах, способствующих возникновению, развитию и поддержанию этого расстройства. Описаны основные виды его диагностики, включая наиболее часто используемые тесты, шкалы и инструментальные методы дифференциальной диагностики. Подчеркнута роль личностных, семейных, социальных и биологических факторов, но в тоже время отмечается недостаточность данных в пользу ведущей роли какого-либо из них, рассматривается совокупность факторов, описанных биопсихосоциальной моделью, рассмотрена роль когнитивных факторов и искажений, дисфункционального мышления и убеждений. Также в статье упомянуты ведущие этапы, методы и техники современной когнитивно-поведенческой терапии панического расстройства. Описывается набор терапевтических мероприятий, способствующих совладанию с паническим расстройством и его преодолению: психообразование, терапевтические отношения, тренинги навыков, когнитивная реструктуризация и экспозиция.

Ключевые слова: паника, паническая атака, паническое расстройство, психотерапия, когнитивно-поведенческая терапия, экспозиция.

Введение

Понятие паники было предложено в психиатрии как описание разновидности тревоги. По определению американского психиатра Марка С. Голда (1969), паника – это «внезапно возникающая волна ужаса», это тревога, характеризующаяся внезапным началом и высокой интенсивностью. В современно клинической литературе часто используется термин паническая атака, описывающий внезапный приступ тяжёлой тревоги и страха, без связи с объективными угрозами для жизни или здоровья, сопровождаемый тягостными телесными ощущениями (например, сердцебиение, чувство удушья, боль в груди, головокружение, диарея). Паническая атака характеризуется быстрым нарастанием страха и, в большинстве случаев, кратковременностью. Обычно это состояние интенсивной тревоги сопровожда-

ется соматовегетативными симптомами и различными страхами, например, страхом смерти, с восприятием телесных проявлений паники как признаков развития опасных для жизни состояний или заболеваний (например, инфаркта миокарда или инсульта), страхом сойти с ума или потерять контроль над собой. Эти тревожные мысли, ошибочные интерпретации и ожидания усиливают состояние паники.

Слово «паника» ведёт свое происхождение от имени древнегреческого бога Пана. Согласно мифам, неожиданно появившийся Пан вызывал такой ужас, что человек опрометью бросался бежать, не разбирая дороги, не отдавая себе отчета в том, что само подобное бегство могло грозить ему травмами или даже гибелью.

Термин «паническая атака» получил признание во всем мире благодаря классификации,

предложенной Американской ассоциацией психиатров в 1980 году. Термины «вегетативный приступ» или «диэнцефальный криз», традиционные для отечественной медицины, описывают подобное состояние, но делают акцент на его вегетативных проявлениях.

DSM-5 (American Psychiatric Association, 2013), ICD-10 (World Health Organization, 1994) и ICD-11 (World Health Organization, 2019) описывают панические атаки в качестве отдельных эпизодов сильного волнения или страха, которые возникают внезапно, достигают своего максимума в течение нескольких минут и сопровождаются, по меньшей мере, четырьмя из перечисленных симптомов (слегка варьируют в двух приведенных руководствах): одышка, учащенное сердцебиение, боль в груди, головокружение, дрожь, усиленное потоотделение, ощущение удушья, сухость во рту, тошнота, дереализация, парестезии (например, онемение или покалывание, главным образом, в губах или пальцах рук), озноб или внезапные приливы, а также страх потери контроля, страх смерти или сумасшествия.

Как отмечается в МКБ-11: расстройства, связанные с тревогой и страхом, характеризуются чрезмерным переживанием страха и тревоги и соответствующими нарушениями поведения, при этом симптомы настолько выражены, что приводят к значительному дистрессу или нарушениям в личной, семейной, социальной, учебной профессиональной и других важных сферах функционирования. Страх и тревога – это тесно связанные явления; страх представляет собой реакцию на угрозу, воспринимаемую как неминуемую в настоящий момент, в то время как тревога больше направлена в будущее и относится к восприятию предполагаемой угрозы.

Один из основных признаков, по которому Расстройства, связанные с тревогой и страхом, отличаются друг от друга, это фокус опасений, т.е. стимул или ситуация, которые вызывают страх или тревогу. Клиническая картина расстройств, связанных с тревогой и страхом, как правило, включает специфические сопутствующие когнитивные особенности, которые могут иметь значение для прояснения фокуса опасений при дифференциальной диагностике данных расстройств.

Паническая атака в психической сфере помимо чувства тревоги и страха проявляется также и в виде внезапной дезориентации, как будто привычный поток жизни обрушивается, человек воспринимает текущую внешнюю и внутреннюю ситуацию и обстановку как угрожающую и чувствует себя отрезанным от того, что раньше помогало осознать себя в безопасности и быть уверенным в себе. Весь мир как будто бы стремительно отдаляется и становится тусклым пятном на другом конце калейдоскопа. Как говорят пациенты: «Меня накрыло какой-то пленкой; я как под колпаком; это как будто ты нырнул куда-то в глубину» и т.д.

Наиболее частыми катастрофическими ожиданиями фантазиями пациентов на острие приступа паники является переживание надвигающейся смерти или беспомощности, потери контроля над собой и ситуацией.

Страдающих тревогой и страхами особенно пугает то, что приступы паники возникают вроде бы без причины или в такой ситуации, когда у человека, казалось бы, нет никакого повода нервничать или чего-то бояться. Скорость, с которой нарастают приступы, их сила и странные физические ощущения, лишь обостряют чувство страха и беспомощности. Наиболее распространены такие панические симптомы, как:

- Одышка (диспноэ) или ощущение нехватки воздуха;
- Головокружение, ощущение неустойчивости;
- Сердцебиение (тахикардия);
- Тремор;
- Потливость;
- Чувство удушья или комка в горле;
- Тошнота;
- Деперсонализация или дереализация;
- Ощущение онемения или покалывания;
- Приливы жара или озноб;
- Загрудинная боль, чувство дискомфорта в груди;
- Страх смерти;
- Страх сойти с ума или потерять самообладание.

Этиология и патогенез панического расстройства

Эволюционно состояние тревоги, даже паника были необходимы, и, скорее всего, закрепились в геноме. Это позволяло использовать гипермобилизацию, «взрывное» поведение, очень энергоемкое, но в некоторых случаях, возможно, спасавшее жизнь и поэтому передавшееся по наследству. Тревога, как и иные эмоции, отточенный эволюцией элемент механизма адаптации, способствующий выживанию.

Если бы не существовало тревоги и страха, то было бы непросто быстро подготовить организм к интенсивной работе и качественно отреагировать на внезапную угрозу. В тех случаях, когда мы не успеваем все сознательно обдумать и взвесить, когда нет времени на долгие рассуждения, тревогой и страхом включается работа инстинкта самосохранения. Он действует по проверенному неисчислимыми поколениями наших предков шаблону, где для всего организма четко распланирована программа, что и как делать. Увидел издали саблезубого тигра, услышал энергичный хруст веток, почуял запах врага – активизируйся и действуй.

Но для современного человека такая гипермобилизация в отсутствие столкновения с физической угрозой для жизни – это в большинстве случаев обременительный анахронизм. Рациональное поведение в момент высоты аффекта значительно утрачивается, и внешнее поведение может восприниматься как обоснованное высокими рисками или прямыми угрозами.

Поэтому в клинической практике сама паническая атака рассматривается как синдром, совокупность симптомов, а паническое расстройство (ПР) как диагноз, выставляемый в ситуации параксизмально возникающих и регулярно повторяющихся эпизодов острой тревоги, ужаса, проживаемого человеком обычно в связи с когнитивными искажениями, т.е. ложными представлениями об угрозе, опасности для здоровья или выживания.

По поводу причин развития панического расстройства (ПР) и его отличия от единичного эпизода обычного страха или даже паники существует целый ряд мнений, гипотез и теорий. Исследователи, ученые и практики пока не пришли

к единому и исчерпывающему ответу. Ряд из них придерживается биологических причин и моделей развития панического расстройства, обосновывая его механизмами обмена нейромедиаторов и генетической предрасположенностью, другие же рассматривают в качестве ведущих психолого-социальные факторы, третьи, составляющие на сегодня большинство, стараются рассматривать всю совокупность факторов (так называемая биопсихосоциальная модель). Поэтому данная статья преследует цель прояснения роли психосоциальных факторов в генезе и развитии ПР, а также обосновании значимости психологических моделей и психотерапии в лечении данного расстройства.

ПР наиболее часто встречается в возрасте от 25 до 64 лет, данные большинства эпидемиологических исследований показывают 2–4-кратное преобладание женщин над мужчинами. Распространенность данного расстройства среди населения составляет по разным исследованиям от 2 до 5%.

Первый приступ паники развивается, когда суммируются сразу несколько факторов. Конкретное сочетание условий для каждого человека свое. Но, в целом все они укладываются в концепцию биопсихосоциальной модели. Она была впервые предложена Джорджем Л. Энгелем и Джоном Романо из Рочестерского университета в 1977 году. В отличие от только биомедицинского, Энгель стремился к более целостному подходу, признавая, что у каждого пациента есть свои собственные мысли, чувства и история. Тем не менее, стоит перечислить типичные факторы, способствующие развитию и регулярности паники, которые, объединившись в цепь, формируют ПР и превращают жизнь большинства пациентов в замкнутый круг страдания.

Психологические и личностные факторы – большинство пациентов, страдающих тревогой и страхами, относятся к категории людей, у которых доминируют такие черты личности, как тревожность, мнительность, впечатлительность, высокая требовательность к себе и другим, максимализм, катастрофический тип мышления, гиперконтроль. В связи с этим подобные люди склонны своими рассуждениями и реакциями

чаще провоцировать насыщенные эмоциональные переживания и телесные гиперреакции. Чересчур драматическое или даже катастрофическое восприятие текущих и особенно воображаемых проблем приводит к хронической психоэмоциональной перегрузке, которая до поры до времени компенсируется ресурсами организма и внешней поддержкой.

Для таких людей характерны общая негативная аффективность, склонность к регулярному переживанию негативных эмоций и тревожная сенситивность – предрасположенность к негативной оценке различных проявлений тревоги и представления об их негативных последствиях для здоровья, тревожным руминациям, застреваниям на размышлениях по поводу паники и негативных прогнозах в связи с ней.

При обсуждении анамнеза у многих пациентов с ПР в их ожиданиях от будущего в преморбиде возникали сценарии, которые угрожали радикально ухудшить качество жизни или угрожали ей самой (так называемая психологическая, физическая или социальная ментальная «ловушка»).

В клинической практике специалисты иногда сталкиваются с ситуацией, в которых приступы паники встречаются у нескольких членов семьи и не только у кровных родственников. Имеются исследования, указывающие на то, что дети, воспитанные матерями, страдающими ПР, чаще страдают этим расстройством, по сравнению с пациентами у чьих матерей не было ПР. На сегодняшний день нет однозначных доказательств, отражает ли данный факт влияние генетического фактора, тревожной готовности, как результата воспитания, или их комбинацию.

Причиной этого может служить механизм моделирования, описанный еще психологом Альбертом Бандурой. Ребенок как губка впитывает то, что видит вокруг себя. Модели поведения значимых взрослых, в первую очередь родителей, воспринимаются им безоговорочно и некритично в качестве единственно правильного и возможного варианта поведения.

Следовательно, неосознанно (как для самого ребенка, так и для его родителей) идет передача тех стереотипов поведения и жизненных стратегий, включая компенсаторные, которые присущи

членам данной семьи. Многие люди, страдающие тревожными расстройствами, имели в анамнезе выраженную сепарационную тревогу, по их собственным словам, выросли в семьях, где друг к другу относились прохладно, но требовательно, особой заботы и поддержки не проявляли или проявляли формально, но жили по жестким правилам. Или в других вариантах, какой-то период детства будущие пациенты с паническим расстройством находились в ситуации гиперопеки и жесткого формального контроля.

Те, кто, став взрослыми, обнаруживают, что подвержены тревоге и страхам, в детстве, как правило, испытывали сильнейший «страх разлученных» и страх отсутствия поддержки и неуверенности в будущем, который превращал их в беспомощных, боящихся одиночества, а порой наотрез отказывающихся идти в сад или школу. Психодинамический подход указывает на то, что опыт эмоциональной депривации со значимым другим, олицетворяющим безопасность и отсутствие стабильной привязанности в раннем детстве, приводит к дефициту в структуре личности, определяющим проблемы в дифференциации психических и соматических ощущений и регуляцию аффективного напряжения, что создает предрасположенность для манифестации ПР.

У детей, которые в раннем возрасте оказались в чрезвычайных обстоятельствах, подверглись насилию или испытали психологическую травму, риск заболеть тревожным расстройством значительно возрастает. Наличие плохого обращения в детстве, сексуального и физического насилия в анамнезе пациентов с паническим расстройством встречается чаще, чем при других тревожных расстройствах.

Родители и другие значимые взрослые в окружении ребенка отличаются, например, по степени настойчивости, с которой они обращают внимание детей на потенциальные угрозы («Никогда не разговаривай с незнакомыми людьми», «Цыгане украдут», «Надень шапку или будет менингит») или на физические ощущения и чувства («Ты не заболела?», «Что-то ты неважно выглядишь»). Как шутят сами наши пациенты: «Что бы я ни собрался делать, у моей бабушки есть такая же история, в которой кто-то умер».

Указания родителей, дедушек и бабушек, а также других родственников и знакомых, а главное, впечатления от их императивных требований, примеров и рассказов в не меньшей степени, чем реальный жизненный опыт, определяют чувствительность ребенка в отношении тех угроз, которые в социуме (как микросоциуме — семье, так и в макросоциуме данного города, региона, страны) рассматриваются как существенные.

Фобия и паническое расстройство

Д. Барлоу, известный в США психиатр и когнитивно-поведенческий терапевт, в своей книге посвященной тревоге и тревожным расстройствам 2002 года пишет, что «страх — это первобытный сигнал тревоги в ответ на непосредственную опасность, характеризующийся сильным возбуждением и тенденциями к активным действиям». А. Бек отмечает, что страх — это автоматическая реакция нейрофизиологического состояния организма человека из-за тревоги, возникшей вследствие когнитивной оценки неизбежной угрозы или физической опасности, а также опасности для личности.

Тревожность представляет собой комплекс когнитивных, эмоциональных, физиологических и поведенческих реакции системы (т.е. система быстрого реагирования на «режим опасности»), который активируется при ожидании непредсказуемых, неконтролируемых событий или обстоятельств, потенциально угрожающих жизненно важным интересам человека.

Фобия (от греческого *phobos*, страх) — это стойкий и необоснованный страх перед отдельными предметами, людьми или животными, действиями или ситуациями. Люди, страдающие фобией, испытывают трепет даже при мысли о пугающих предметах или ситуациях, но они могут чувствовать себя вполне комфортно до тех пор, пока им удается избегать этого объекта и мыслей о нем. Большинство из них к тому же хорошо понимают, что их страхи чрезмерны и необоснованны.

Физические недуги с симптомами сильной тревоги и даже «паники» хоть и редки, но существуют. Например, заболевания щитовидной железы могут вызывать симптомы, весьма похожие на симптомы тревоги, страха и паники.

К некоторым факторам, способным вызвать симптомы паники, относятся:

- грубые нарушения сердечного ритма (аритмия) и, иногда, сердечно-сосудистые заболевания;
- заболевания органов дыхания;
- злоупотребление некоторыми лекарствами, например, противоастматическими;
- редкие заболевания желез внутренней секреции, от которых зависит содержание гормонов и других веществ в крови (например, феохромоцитома — опухоль, с преимущественной локализацией в мозговом веществе надпочечников, состоящая из хромоаффинных клеток и секретирующая большие количества катехоламинов);
- редкие разновидности эпилепсии;
- опухоли головного мозга
- злоупотребление или слишком резкое прекращение употребления кофе, лекарств или алкоголя.

В диагностике, различают паническое расстройство с агорафобией и без нее. Лица с диагностированным паническим расстройством с агорафобией сообщают об определенных ситуациях, в которых, по их мнению, повышена вероятность возникновения приступа или он будет носить более катастрофический характер, и пытаются всячески избежать этих ситуаций. По мере продолжения приступов паники они могут связываться с различными жизненными обстоятельствами, которые становятся условными фобическими триггерами.

Панические приступы, однажды возникнув, имеют тенденцию к закреплению и повторяются в сходных ситуациях (места большого скопления людей, общественный транспорт, полеты на самолете, нахождение в лифте и пр.) У больных возникают тревожные ожидания возможности повторения приступов (антиципационная тревога). Нередко устойчивое чувство страха формируется уже после первого пароксизма и касается той ситуации, в которой он возник (лифт, автобус, маршрутка, метро, магазин, толпа, парикмахерская и пр.). Если приступ случается дома, в одиночестве, часто появляется страх оставаться дома одному. Это способствует формированию особого режима ограничительного охранитель-

ного поведения, так называемого поведения избегания или фобического поведения, которое формируется из ситуации прошлого приступа и способствует возникновению агорафобии. В соответствии с МКБ-10 в этом случае устанавливается диагноз «ПР с агорафобией».

Лица с диагнозом паническое расстройство без агорафобии не склонны выделять подобные ситуации и у них не наблюдается выраженного избегающего поведения. Однако, из-за невозможности прогнозировать возникновение очередной панической атаки, у этих лиц отмечается высокий уровень генерализации тревоги в межприступном периоде. У значительной доли пациентов с паническим расстройством в той или иной степени развивается агорафобическое избегание.

В соответствии с когнитивной моделью, оно формируется особенно часто у лиц, у которых первые приступы случились вне дома, в ситуациях, где получение помощи было затруднено и/или сама по себе природа страхов такова, что последствия паники были бы особенно неблагоприятными в агорафобической ситуации.

В соответствии с этим предположением, Мишель Г. Краске и Дэвид Х. Барлоу (Краске, Барлоу, 2021) сообщили о том, что в большинстве случаев первые приступы у пациентов с паническим расстройством с агорафобией развиваются, когда они находятся одни и вне дома; наоборот, у пациентов с паническим расстройством без агорафобии первые приступы развиваются дома в присутствии других лиц.

Кажущаяся внезапной природа некоторых приступов, «словно гром среди ясного неба», позволила многим биологически ориентированным исследователям высказать предположение о том, что паническое расстройство лучше всего рассматривать как нейрохимическое заболевание (Charney, Heninger, Breier, 1984; Klein, 1993). Однако, в середине 80-х гг., ряд исследователей (Beck A.T., Emery G., 1985; Clark, 1986; Clark et al., 1994; Ehlers, Margraf, 1989; Margraf, Ehlers, Roth, 1986; Rapee, 1987; Salkvoskis, 1988; Salkvoskis, Clark, Gelder, 1996) пришли к общему мнению, что паническое расстройство лучше всего трактовать с когнитивных позиций.

Когнитивные причины панического расстройства

Согласно когнитивной модели панического расстройства (Clark, 1986; Clark et al., 1994), панические атаки являются следствием катастрофической ошибочной интерпретации определенных телесных ощущений как свидетельства надвигающейся катастрофы. В большинстве своем, такие ощущения (например, сердцебиение, одышка, головокружение) свойственны обычным тревожным реакциям, однако включают и ряд других.

Вследствие катастрофической интерпретации, эти телесные ощущения воспринимаются как гораздо более опасные, чем они есть на самом деле. В сущности, они расцениваются как свидетельство надвигающейся физической или психической катастрофы. Так, ощущение легкой одышки расценивается как свидетельство скорой остановки дыхания и, как следствие, смерти; ощущение сердцебиения и стеснения в груди – как свидетельство грозящего сердечного приступа; ощущение пульсации в области лба – как свидетельство об инсульте; ощущение дрожи – как надвигающуюся потерю контроля и сумасшествие.

Панические атаки могут быть спровоцированы как внешними (например, для пациента с паническим расстройством с агорафобией отдел супермаркета, лифт, метро или самолет), так и внутренними стимулами (телесные ощущения, мысли, образы). Последовательность событий, приводящая к атаке, начинается с воздействия стимула, который расценивается как признак надвигающейся опасности. Такая интерпретация вызывает состояние ужаса, сопровождающееся широким спектром телесных ощущений.

Если спровоцированные тревогой ощущения интерпретируются катастрофическим способом (оцениваются как признак грядущего сумасшествия, потери сознания, смерти, потери контроля и т.д.), беспокойство нарастает, что приводит к усилению телесных ощущений и формированию порочного круга, кульминацией которого и становится паническая атака.

Когнитивная модель объясняет механизм возникновения панических атак, как развивающихся на фоне предшествующей повышенной

тревоги, так и тех, которые возникают словно гром среди ясного неба.

При панических атаках, изначально подвергающиеся ошибочной интерпретации ощущения связаны с различными эмоциональными состояниями (часто гнев или перевозбуждение), или, такими безобидными событиями, как физические упражнения (одышка, сердцебиение), чрезмерное употребление кофе (сердцебиение) или быстрый переход из вертикального положения в горизонтальное (головокружение).

При таких атаках пациенты часто затрудняются установить границы между запускающими процесс телесными ощущениями и следующей за ними панической атакой, поэтому воспринимают атаку как возникающую без причины. Это логично, принимая во внимание то, как пациенты воспринимают смысл атаки. Так, маловероятно, что пациент, убежденный в наличии у него сердечной патологии, будет отличать учащенное сердцебиение, запускающее паническую атаку от самой атаки. Действительно, он, скорее всего, расценит оба явления как части единого процесса – сердечного приступа или его угрозы.

Применяя когнитивную модель к конкретным пациентам, важно понимать различия между впервые возникшей панической атакой, последующим их повторением и паническим расстройством. По данным опроса населения (Brown, Cash, 1990; Norton, et.al., 2008), до 28% общей популяции в течение жизни испытывают спорадическую, внезапную паническую атаку.

Представляется маловероятным существование единого объяснения этим сравнительно одинаковым, но случайным спонтанным эпизодам. Стрессовые события, гормональные изменения, заболевания, кофеин, лекарственные препараты и разнообразие преходящих патологических состояний – все это может вызывать эпизодические, субъективно спонтанные изменения. Однако, согласно когнитивной модели, менее распространенное состояние повторяющихся панических атак и паническое расстройство (приблизительно 3-5% от общей популяции) развиваются у лиц со сформировавшейся тенденцией интерпретировать эти вегетативные явления катастрофическим образом (Wittchen et.al., 2010; Kessler et.al., 2002).

Такая тенденция может развиваться вследствие научения при наличии соответствующего опыта, который предшествовал первой атаке (например, наблюдение за паникующим родителем или формирование связанного с темой здоровья поведения) (Ehlers, 1993); или может усиливаться в результате того, как пациент, врач или значимые другие ведут себя во время первой панической атаки (например, выражение кем-то страха или другое поведение, указывающее на потенциально опасное состояние).

В исследованиях пациентов с паническим расстройством (Clark, 1986, 1994) было подтверждено основанное на когнитивной модели предположение о том, что повторные панические атаки возникают, потому что пациенты имеют ошибочные убеждения об определенных телесных ощущениях. Исходя из этого, мы должны задать вопрос, что же поддерживает эти негативные убеждения? М. Seligman (Seligman, 1988) обратил внимание на то, что многие пациенты с паническим расстройством устойчивы в поддержании своих ошибочных убеждений относительно телесных ощущений, несмотря на наличие большого опыта, казалось бы, противоречащего их представлениям, основанным на страхе.

Например, пациенты, обеспокоенные возможностью возникновения во время панической атаки сердечного приступа, могут продолжать быть убежденными в этом, несмотря на тысячи не приведших к смерти атак в прошлом и повторные поступления в приемный покой, где им сообщалось о том, что с их сердцем все в порядке.

Диагностика

В диагностическом процессе используются структурированные и полуструктурированные интервью и клинико-психологический и психометрический метод с использованием большого количества тестов, опросников и шкал: Шкала тревоги Гамильтона (The Hamilton Anxiety Rating Scale, сокр. HARS); Шкала тревоги Бека (The Beck Anxiety Inventory – BAI); Опросник выраженности психопатологической симптоматики (Symptom Check List-90-Revised – SCL-90-R); Шкала тревоги Спилбергера (State-Trait Anxiety Inventory – STAI); Интегративный тест тревож-

ности (ИТТ – оригинальная клиническая тестовая методика, созданная в 2005 году в НИПНИ им. В. М. Бехтерева А. П. Бизюком, Л. И. Вассерманом и Б. В. Иовлевым); Методика «Я-структурный тест» Г. Аммона (ISTA), И. Бурбиль (2003), Методика для определения уровня субъективного контроля личности (УСК), Опросник для исследования личностных убеждений «Personal Beliefs Test» (Kassinove, Berger, 1988); Многомерная шкала перфекционизма (Multidimensional perfectionism scale – MPS); Методика «Индекс жизненного стиля» (Life style index); Методика Е. Heim (1988) для определения характера копинг-поведения; Методика совладающего поведения (COPE); Мельбурнский опросник принятия решений (Melbourne decision making questionnaire, – MDMQ); Опросник для исследования межличностных проблем (Inventory of Interpersonal Problems (IIP)); Шкала тревоги Шихана (ShARS) и др.

Для дифференциальной диагностики используются экспериментально-психологический подход и психофизиологический метод (нейрофизиологические исследования), нейро-визуализационные методы такие как – структурные (анатомические – компьютерная томография и ядерно-магнитно-резонансная томография, диффузотензорная визуализация) и функциональные (Позитронно-Эмиссионная Томография, фМРТ), а также выявление специфических биомаркеров (глюкоза, кортизон, гидрокортизон, хлориды, гонадотропин, высвобождающий гормон, 17-гидрокси-кортикостерона, гомоцистеина, концентрация тромбоцитарного серотонина и т.д.).

Однако, большинство специалистов сходится во мнении, что в настоящее время не существует каких-либо доказанных инструментальных или лабораторных методов диагностики ПР. Инструментальные и лабораторные исследования применяются для исключения другой патологии, которая может давать схожие симптомы (сосудистые заболевания, опухоли и т.д.).

Существуют ряд опросников самоотчета, позволяющих выявлять связанные с паникой мысли и поведение. Mobility Inventory (Chambless, Caputo, Gracely, Jasin&Williams, 1985) предоставляет широкую оценку агорофобического избегания. Опросник агорофобических когний

(Agoraphobic Cognitions Questionnaire) (Chambless et.al., 1985) позволяет оценить частоту связанных с паникой мыслей. Для выявления связанных с паникой охранительных видов поведения, Д. Кларком и П. Салковским был разработан Опросник Охранительного поведения (Safety Seeking Behaviours Questionnaire).

Для отслеживания прогресса, с целью определения работает ли конкретная стратегия лечения или требуется ее модификация, используется три наиболее распространенных процедуры мониторинга:

1. Опросники для самоотчета. Ежедневная сводная шкала панического расстройства (Clarketal, 1994), которая оценивает частоту и тяжесть паники. Опросник Агорофобических когний (Chambless et.al., 1985, 1986) оценивает частоту и достоверность распространенных мыслей, связанных с паникой. Шкала тревоги Бека (BAI; Beck, Steer, 1993) и Шкала депрессии Бека (BDI; Beck et.al., 1979) являются полезными общими показателями тревожного и подавленного настроения, соответственно. Шкала мобильности (Chambless et.al., 1985) и Опросник охранительного поведения могут быть даны до, в середине и после лечения, для оценки изменений избегающего и охранительного поведения соответственно.

2. Дневник паники. Ежедневный дневник панических атак особенно полезен для выявления панических триггеров, ощущений и мыслей, а также для помощи пациентам отвечать на их мысли, связанные с паникой во время приступа.

3. Внутрисессионные рейтинги убеждений.

Терапия

Пациентам с установленным диагнозом ПР традиционно назначаются препараты из группы селективных ингибиторов обратного захвата серотонина (при помощи рандомизированных контролируемых исследований обоснована эффективность применения флувоксамина, циталопрама, эсциталопрама, пароксетина) с целью снижения общей тревожности, уменьшения частоты и интенсивности ПА.

В ряде исследований показана равная эффективность психотерапии и психофармако-терапии

при ПР. Надо отметить, что в целом психофармакотерапия дает более быстрое улучшение состояния и требует меньше усилий пациента, временных и экономических затрат, но имеется риск возобновления симптомов при отмене медикаментов. Психотерапия, обычно, дает более качественный эффект и более стойкую ремиссию. Имеются доказательные исследования (РКИ и метаанализы) в отношении ряда методов психотерапии, наиболее обоснованным подходом для ПР принято считать когнитивно-поведенческую терапию.

Однако необходимо помнить, что дизайн доказательных исследований в психотерапии достаточно сложен и клиническая практика по многим параметрам отличается от научного эксперимента. Большое количество источников, показывающих эффективность когнитивно-поведенческой психотерапии для пациентов с ПР, связаны, в том числе, с возможностью в рамках научных исследований воспроизводить определенные техники, а не с безусловным приоритетом и безальтернативностью этого метода для пациентов с паническим расстройством.

В когнитивно-поведенческой терапии рассматриваются когнитивные модели, где играют роль не только осознанные мысли, но и такие понятия и конструкты, введенные А. Беком, как автоматические мысли и нижележащие убеждения, схемы и ассоциированные с ними паттерны мышления и поведения. То есть некая схематизация опыта, через призму которого человек рассматривает возникающие ситуации. Терапевтические программы, основанные на когнитивно-поведенческом подходе чаще всего, включают в себя несколько составляющих частей.

1) Психообразование – информация образовательного характера, предназначенная для понимания специфики терапии, устранения заблуждений и предвзятых представлений о соматических ощущениях и их произвольных интерпретациях катастрофического характера, ложных посылов относительно последствий проживания состояния тревоги и страха для телесной и психической сфер.

2) Формирование и развитие терапевтических отношений.

3) Тренинги навыков – техники релаксации, дыхательные техники, растяжки и иные упражнения самопомощи для формирования уверенности в возможности влияния на свое психоэмоциональное и физическое состояние, формирование интернального локуса контроля по Дж. Роттеру.

4) Когнитивная реструктуризация. Формирование навыков критического мышления по отношению к своим когнитивным искажениям и дисфункциональным убеждениям. Формирование и закрепление методом систематических тренировок реалистического, логически обоснованного функционального мышления и поведения.

5) Поведенческие методики. В когнитивно-поведенческой терапии панического расстройства наиболее часто используемым методом является экспозиция. Принцип этой техники – «оставайся там» – призван противостоять паническому избеганию. Есть целый ряд вариаций экспозиции:

In vivo exposure – Экспозиция в реальности

Invitro / imaginal exposure – Экспозиция в представлении

Virtual Reality (VR) exposure – Экспозиция с использованием виртуальной реальности

Interoceptive exposure – Интероцептивная экспозиция

Gradual or flooding – Градуированное угашение

With or without rescripting – экспозиция с или без рескриптинга и другие варианты экспозиций.

В терапии тревожно-фобических расстройств проработка предубеждений клиентов нередко требует наглядной демонстрации несостоятельности их ожиданий. В отношении фиксации пациентов на телесных ощущениях и катастрофических ожиданий эффективно работает техника Интероцептивной Экспозиции.

Джон Абрамовиц рассматривает экспозицию как хороший способ проверить ложные ожидания, присутствующее при различных тревожных расстройствах, в частности, о том, что неприятные ощущения невыносимы. Вызывая чувство страха и ощущения его сопровождающие, тревожные клиенты могут получить большую переносимость дистресса. Они могут опровергнуть неверные представления об ощущениях, реатренировав имевшиеся ассоциации дискомфорта

и угроз. И они могут снизить свою гиперчувствительность к ощущениям дискомфорта.

Практики рекомендуют несколько способов, чтобы воссоздать конкретный феномен и многократно пройти через осознанный контакт с дискомфортными ощущениями, которые вызывают опасения тревожных клиентов и перестать от них зависеть:

- Головокружение, головная боль: тряска головой из стороны в сторону (30 секунд, 2 оборота в секунду, с открытыми глазами)
- Спазмы в горле, одышка, сухость во рту: быстро глотать (10 раз)
- Стеснение в груди, одышка, приливы жара: выдыхание «через соломинку» (30 секунд, как можно глубже)
- Дерезализация, головокружение: гипервентиляции (60 секунд, стоя)
- Дезориентация, тошнота: поместите голову между ног (30 секунд)
- Сердцебиение, ощущение жара: бег на месте (60 секунд)
- Легкое головокружение и небольшой дискомфорт в голове: задержите дыхание (60 секунд)
- Головокружение: вертеться вокруг своей оси (30 секунд).

Цель этих техник – преодолеть избегание, не уменьшать беспокойство, а переносить беспокойство и дискомфорт, а также разрабатывать более гибкие ответные меры.

Таким образом, экспозиция опровергает ожидаемые катастрофические результаты и дает новый опыт, который создает новые убеждения и образы. Старые убеждения о пугающем исходе не стираются, но закладывается новый опыт, резко ограничивающий их влияние.

6) Профилактика рецидивов

7) Подготовка к завершению терапии, бустерные сессии и завершение терапии

В терапии используется большое количество когнитивных техник, направленных на когнитивную реструктуризацию и реатрибуцию, а также такие поведенческие техники как наводнение, десенсибилизация, экспозиция, тренировки принятия, майндфулнесс, тренировка внимания в метакогнитивной терапии и другие.

Таким образом, несмотря на сохраняющиеся разногласия ученых о природе панического расстройства, его генезе и специфике механизмов развития, психотерапия и психологические методы помощи страдающим от ПР играют существенную роль в их лечении и доказали свою клиническую эффективность в целом ряде РКИ и метаанализов.

Литература

- Бек Дж.* Когнитивно-поведенческая терапия. От основ к направлениям. СПб.: Питер, 2018.
- Кларк Д.А., Бек А.Т.* Тревога и беспокойство. Когнитивно-поведенческий подход. М: Вильямс, 2018.
- Кларк Д.М., Салковски П.М.* Паническое расстройство. М.: АКБТ, 2020.
- Ковнак Д.В.* Страх ... Тревога ... Фобия Вы можете с ними справиться! Практическое руководство психотерапевта. СПб: Наука и Техника, 2018.
- Краске М. Г., Барлоу Д. Х.* Совладание с тревогой и паникой. Руководство психотерапевта. СПб.: ООО «Диалектика», 2021.
- Лихи Р.* Свобода от тревоги. СПб.: Питер, 2017.
- Beck A.T., Emery G.* (1985). Anxiety disorders and phobias: A cognitive perspective. New York: Basic Books.
- Beck A.T., Steer R.A.* (1993). *Manual for the Beck Anxiety Inventory.* San Antonio, TX: Psychological Corp.
- Beck A.T., Rush A.J., Shaw B.F., Emery G.* (1979). Cognitive therapy of depression. New York: Guilford Press.
- Beck J.S.* (2011). Cognitive behavior therapy: Basics and beyond (2nd ed.). New York: Guilford Press.
- Brown T.A., Cash, T.F.* (1990). The phenomenon of non-clinical panic: parameters of panic, fear, and avoidance. *Journal of Anxiety Disorders*, 4, 15- 29
- Chambless D.L., Caputo G.C., Jasin S.E., Gracely E.J., Williams C.* (1985). The mobility inventory for agoraphobia. *Behaviour research and therapy*, 23(1), 35-44. doi:10.1016/0005-7967(85)90140-8

Chambless D.L., Goldstein A.J. (1986). Agoraphobia: Multiple perspectives on theory and treatment. New York: John Wiley & Sons.

Charney D., Heninger G.R., Breier A. (1984). Noradrenergic function in panic anxiety. Effects of yohimbine in healthy subjects and patients with agoraphobia and panic disorder. Archives of General Psychiatry, 43, 1042-1055.

Clark D.M., Salkovskis P.M., Hackmann A., Middleton H., Anastasiades P., Gelder M. (1994). A comparison of cognitive therapy, applied relaxation and imipramine in the treatment of panic disorder. British Journal of Psychiatry, 164, 759-769.

Clark D.M. (1986). A cognitive approach to panic. Behaviour research and therapy, 24(4), 461-470. doi:10.1016/0005-7967(86)90011-2

Ehlers A. (1993). Somatic symptoms and panic attacks; A retrospective study of learning experiences. Behaviour Research and Therapy, 31, 269-278.

Ehlers A., Margraf J. (1989). The psychophysiological model of panic attacks. In P.M. G. Emmelkamp, W. T. A. M. Everaerd, F.W. Kraaimaat & M. J. M. van Son (Eds.), Fresh Perspectives on Anxiety Disorders. Amsterdam: Swets & Zeitlinger.

Kassinove H., Berger A. Survey of personal beliefs//Hofstra University: Personal communication - 1988. - P. 100 - 113.

Kessler R.C., Andrews G., Colpe L.J., Hiripi E., Mroczek D.K., Normand S.L., Walters E.E., Zaslavsky A.M. Short screening scales to monitor population prevalences and trends in non-specific psychological distress. Psychol Med 2002; 32(6):959-976.

Klein D.F. (1993). False suffocation alarms, spontaneous panics, and related conditions. An integrative hypothesis. Arch Gen Psychiatry, 50(4), 306-317.

Margraf J., Ehlers A., Roth W.T. (1986). Sodium lactate infusions and panic attacks: a review and critique. Psychosomatic Medicine, 48(1-2), 23-51.

Norton P.J., Zvolensky M.J., Bonn-Mill, M.O., Cox B. J., Norton G. R. (2008). Use of the Panic Attack Questionnaire-IV to assess non-clinical panic attacks and limited symptom panic attacks in student and community samples. Journal of Anxiety Disorders, 22(7), 1159-1171. doi:10.1016/j.janxdis.2007.12.002

Rapee R.M. (1987). The psychological treatment of panic attacks: Theoretical conceptualization and review of evidence. Clinical Psychology Review, 7, 427-438. doi:10.1016/0272-7358(87)90020-1

Salkovskis P. M. (1988). Phenomenology, assessment, and the cognitive model of panic. In S. Rachman (Ed.), Panic: psychological perspectives (pp. 111-136). Hillsdale, NJ: Lawrence Erlbaum Associates

Salkovskis P., Clark D., Gelder M. (1996). Cognition-behaviour links in the persistence of panic. Behaviour Research and Therapy, 34, 453-458.

Seligman M. E. P. (1988). Competing theories of panic. In S. Rachman & J. D. Maser (Eds.), Panic: Psychological Perspectives (pp. 321-330). Hillsdale, NJ: Lawrence Erlbaum Associates.

Wittchen H.U., Gloster A.T., Beesdo-Baum K., Fava G. A., Craske M. G. (2010). Agoraphobia: a review of the diagnostic classificatory position and criteria. Depression and Anxiety, 27(2), 113.

Статья поступила в редакцию 24.09.2021

PANIC AND PANIC DISORDER: METHODS OF DIAGNOSIS AND THERAPY

© Ковпак Д.В.

PhD. (Medical Sciences), Department of Psychotherapy, Medical Psychology and Sexology of the I.I. Mechnikov Northwestern State Medical University,
International Advisory Committee of the Beck Institute
kovpak@list.ru

The article discusses the state of panic, panic attacks, and panic disorder. The clinical phenomena and symptoms of panic disorder are described, the problems and shortcomings of modern hypotheses and ideas about the etiopathogenesis of panic disorder, as well as the factors contributing to the emergence, development and maintenance of this disorder are described. The main types of its diagnostics are described, including the most frequently used tests, scales, and instrumental methods of differential diagnosis. The role of personal, family, social, and biological factors is emphasized although there is insufficient data in favor of the leading role of any of them; the set of factors described by the biopsychosocial model is considered; the role of cognitive factors and distortions, dysfunctional thinking, and beliefs is considered (reviewed). The article also mentions the leading stages, methods, and techniques of modern cognitive behavioral therapy of panic disorder. A set of therapeutic measures that contribute to coping with panic disorder and overcoming it is described, such as psychoeducation, therapeutic relationships, skills training, cognitive restructuring, and exposure.

Keywords: panic, panic attack, panic disorder, psychotherapy, cognitive behavioral therapy, exposure.

Bek Dz. (2018). Kognitivno-povedencheskaya terapiya. Ot osnov k napravleniyam. SPb.: Piter.

Klark D.A., Bek A.T. (2018). Trevoga i bespokojstvo. Kognitivno-povedencheskij podxod. M: Vil`yams.

Klark D.M., Salkovskis P.M. (2020). Panicheskoe rasstrojstvo. M.: AKBТ.

Kovpak D.V. (2018). Strax ... Trevoga ... Fobiya Vy` mozhete s nimi spravit`sya! Prakticheskoe rukovodstvo psixoterapevta. SPb: Nauka i Texnika.

Kraske M.G., Barlou D.X. (2021). Sovladanie s trevojoj i panikoj. Rukovodstvo psixoterapevta – SPb.: ООО «Dialektika».

Lixi R. (2017). Svoboda ot trevogi. SPb.: Piter.

Beck A.T., Emery G. (1985). Anxiety disorders and phobias: A cognitive perspective. New York: Basic Books.

Beck A.T., Steer R.A. (1993). Manual for the Beck Anxiety Inventory. San Antonio, TX: Psychological Corp.

Beck A.T., Rush A.J., Shaw B.F., Emery G. (1979). Cognitive therapy of depression. New York: Guilford Press.

Beck J.S. (2011). Cognitive behavior therapy: Basics and beyond (2nd ed.). New York: Guilford Press.

Brown T. A., Cash, T. F. (1990). The phenomenon of non-clinical panic: parameters of panic, fear, and avoidance. Journal of Anxiety Disorders, 4, 15-29

Chambless D.L., Caputo G.C., Jasin S.E., Gracely E.J., Williams C. (1985). The mobility inventory for agoraphobia. Behaviour research and therapy, 23(1), 35-44. doi:10.1016/0005-7967(85)90140-8

Chambless D.L., Goldstein A.J. (1986). Agoraphobia: Multiple perspectives on theory and treatment. New York: John Wiley&Sons.

Charney D., Heninger G.R., Breir A. (1984). Noradrenergic function in panic anxiety. Effects of yohimbine in helthy subjects and patients with agoraphobia and panic disorder. Archives of General Psychiatry, 43, 1042-1055.

Clark D.M., Salkovskis P.M., Hackmann A., Middleton H., Anastasiades P., Gelder M. (1994). A comparison of cognitive therapy, applied relaxation and imipramine in the treatment of panic disorder. *British Journal of Psychiatry*, 164, 759–769.

Clark D.M. (1986). A cognitive approach to panic. *Behaviour research and therapy*, 24(4), 461-470. doi:10.1016/0005-7967(86)90011-2

Ehlers A. (1993). Somatic symptoms and panic attacks; A retrospective study of learning experiences. *Behaviour Research and Therapy*, 31, 269-278.

Ehlers A., Margraf J. (1989). The psychophysiological model of panic attacks. In P. M. G. Emmelkamp, W. T. A. M. Everaerd, F. W. Kraaimaat, & M. J. M. van Son (Eds.), *Fresh Perspectives on Anxiety Disorders*. Amsterdam: Swets & Zeitlinger.

Kassinove H., Berger A. Survey of personal beliefs//Hofstra University: Personal communication. 1988. P. 100-113.

Kessler R.C., Andrews G., Colpe L.J., Hiripi E., Mroczek D.K., Normand S.L., Walters E.E., Zaslavsky A.M. Short screening scales to monitor population prevalences and trends in non-specific psychological distress. *Psychol Med* 2002; 32(6):959-976.

Klein D.F. (1993). False suffocation alarms, spontaneous panics, and related conditions. An integrative hypothesis. *Arch Gen Psychiatry*, 50(4), 306-317.

Margraf J., Ehlers A., Roth W.T. (1986). Sodium lactate infusions and panic attacks: a review and critique. *Psychosomatic Medicine*, 48(1-2), 23-51.

Norton P.J., Zvolensky M.J., Bonn-Mille M.O., Cox B. J., Norton G. R. (2008). Use of the Panic Attack Questionnaire-IV to assess non-clinical panic attacks and limited symptom panic attacks in student and community samples. *Journal of Anxiety Disorders*, 22(7), 1159-1171. doi:10.1016/j.janxdis.2007.12.002

Rapee R.M. (1987). The psychological treatment of panic attacks: Theoretical conceptualization and review of evidence. *Clinical Psychology Review*, 7, 427-438. doi:10.1016/0272-7358(87)90020-1

Salkovskis P.M. (1988). Phenomenology, assessment, and the cognitive model of panic. In S. Rachman (Ed.), *Panic: psychological perspectives* (pp. 111-136). Hillsdale, NJ: Lawrence Erlbaum Associates

Salkovskis P., Clark D., Gelder M. (1996). Cognition-behaviour links in the persistence of panic. *Behaviour Research and Therapy*, 34, 453–458.

Seligman M. E. P. (1988). Competing theories of panic. In S. Rachman & J. D. Maser (Eds.), *Panic: Psychological Perspectives* (pp. 321-330). Hillsdale, NJ.: Lawrence Erlbaum Associates.

Wittchen H.U., Gloster A.T., Beesdo-Baum K., Fava G.A., Craske M.G. (2010). Agoraphobia: a review of the diagnostic classificatory position and criteria. *Depression and Anxiety*, 27(2), 113.

The article was received 24.09.2021

ИНТЕРВЬЮ

Уважаемые коллеги!

В мировой науке есть учёные, которые выделяются не только глубиной знаний, но и оригинальными идеями, умением мыслить нестандартно. Их взгляды и теории поражают нас научной смелостью. В психологии к таким учёным, без сомнения, следует отнести доктора психологических наук, профессора кафедры общей психологии факультета психологии СПбГУ, почетного Президента Санкт-Петербургского психологического общества Владимир Михайлович Аллахвердова.

Мы попросили Владимира Михайловича ответить на ряд актуальных и сложных вопросов, которые имеют прямое отношение к сфере его деятельности, интересам и открытиям. В этом небольшом интервью профессор Аллахвердов говорит о том, что волнует практически всех учёных психологов и практиков, высказывает свое отношения к проблемам, представляющим интерес для мировой науки.

По нашему мнению, содержание этого текста не уступает многим крупным научным статьям и даже иным монографиям. Мы будем рады узнать ваше мнение об этом интервью, и оно, возможно, станет предметом дальнейших обсуждений в Академическом дискуссионном клубе ИПРАН.

Каковы, по вашему мнению, наиболее актуальные, а также наиболее перспективные направления современной психологии в мире?

Психология во всех направлениях собрала огромное количество фактов, но не успевает придумывать идеи, озаряющие наши представления о психической реальности. Пришла пора перестать только собирать, пора начать думать. В науке идеи дороже фактов. Мы помним многих ученых, которые одарили мир идеями, но с трудом вспомним имена даже самых великих экспериментаторов. У. Найссер уже пятьдесят лет назад признался, что новые методы исследования в психологии не вдохновляют, а действуют угнетающе. Методы, созданные с тех пор, даже перечислить не удастся, тем не менее наши взгляды не сильно изменились. Все упирается в отсутствие решения «вечных проблем». Как материальные процессы в мозге трансформируются в субъективные переживания? Как соединить детерминированное описание поведения человека (к чему стремится наука) со свободой воли человека (что утверждается в культуре)? Как сознание способно сопоставлять свои представления с реальностью, если в сознании есть только представления и нет реальности, а нельзя сопоставлять то, что есть в сознании, с тем, чего в сознании нет? Блестящие открытия физиологов и замечательные методы обработки информации, созданные математиками, ни на йоту не прибли-

жают нас к решению этих проблем. Пора отринуть лозунг Э. Дюбуа-Реймона «ignoramus et ignorabimus», высказанный в конце XIX в., и преодолеть, наконец, объяснительный разрыв, робко осознаваемый в XXI в. Надо искать пути решения. Пока такие пути не будут найдены, психология останется Золушкой на величественном балу науки и не сможет твердо стоять на ногах даже в хрустальных туфельках своего богатейшего опыта.

Как вы считаете, может ли отечественная психология в ближайшие десятилетия занять более достойное место в мировой науке и что для этого требуется?

Если «достойность» места определяется бюрократическими показателями (типа индекса Хирша), то отечественная психология займет то место, которое хочет, только если сама будет создавать и считать эти показатели. К оценке научной значимости эти показатели вряд ли имеют отношение. Для примера: если правильно помню, в момент введения своего индекса Х. Хирш имел индекс 66, а Эйнштейн – 29. И о чем это говорит? Не в индексах, однако, дело. Более достойное место должна занять не отечественная психология, а те ученые или научные школы, которые предложат хотя бы плодотворные дебютные идеи в решении вечных проблем. Можно только приветствовать, если это будут наши соотечественники. Но больше радоваться

все же будем решению проблем, а не национальной принадлежности первооткрывателей.

Чего, по вашему мнению, мы не знаем о психике?

Л.С. Выготский в свое время соглашался с Э. Торндайком: психология как наука гораздо ближе к нулю, чем к совершенству. За прошедшие почти сто лет ситуация не сильно изменилась. Честно скажу: *я знаю, что о психике ничего не знаю*. Сократ, признававшийся, что ничего не знает, добавлял: «Я думал, что есть люди, которые знают, но когда я с ними разговаривал, выяснил, что они только думают, что знают, я же, раз уже не знаю, то и не думаю, будто знаю». Возможно, есть психологи, которые знают, что такое психика, но я их не встречал. Надеюсь, времена изменились, и меня не заставят за это мое высказывание пить цикуту. Как и многие, я делаю робкие попытки догадаться, что представляет собой психика, но океан неизведанного лежит перед всеми нами.

Как вы считаете, что является критерием достоверного научного знания в психологии?

Достоверное научное знание – это стыдливое наименование истинного знания? Если это так, то, как известно со времен Канта, «достаточный и в то же время всеобщий критерий истинности не может быть дан». Нет и не может быть одного критерия достоверности (истинности) любого знания, но существуют признаки достоверности факта и истинности теории. Вот, например, некоторые признаки истинности теории. Теория должна а) непротиворечиво описывать известные факты; б) предсказывать новые явления, а какие-то явления, кажущиеся вполне вероятными, объявлять невозможными; в) следствия, вытекающие из теории, должны подтверждаться в исследовании, независимо от ранее полученных результатов; г) теория обнаруживает неведомое, о существовании которого никто не предполагал, и тем самым открывает практикам путь к разработке новых эффективных технологий; д) новая теория, опровергающая старую, должна объяснять эффективность старой теории (например, рассматривать старую теорию как частный случай новой, более общей теории); е) теория позволяет другим людям осуществить проверку ее положений; ж) из нескольких конкурирующих

теорий при прочих равных условиях преимуществом обладает более простая теория, имеющая меньшее количество допущений. Не для всех теорий и не для всех наук возможно использование всех признаков истинности. Так, общая теория относительности была практически сразу принята физиками, несмотря на отсутствие новых эмпирических подтверждений (признаки б и в), потому что, в частности, объясняла, почему в законе тяготения стоит R^2 , а не, допустим, R^3 – сработал признак простоты (его еще называют эстетическим критерием). Трудно, а чаще и невозможно, проводить независимую проверку следствий в истории и астрономии – нам не дано изменять исторические или астрономические события. Психология, как и любая наука, должна оценивать теории, по возможности, с помощью всего набора признаков истинности. Но в зависимости от объекта изучения психологи смогут опираться только на некоторые из них. Никакой один признак истинности заведомо недостаточен. В частности, получение высоко достоверного статистического результата еще ничего не говорит о его истинности. Парапсихологи получают результаты аж с достоверностью $p < 0,000000001$. Доказывает ли это существование телепатии? Любая теория, к тому же, обязательно строится для идеализированных, реально не существующих объектов, т. е. любая теория, как замечательно сказал Б. С. Грязнов, – это карикатура на реальность, а не реалистическое изображение. Поэтому позднее теория будет уточнена или даже опровергнута, однако если она удовлетворяла нескольким признакам истинности, то какая-то часть истины в ней наверняка содержится и будет сохранена навсегда.

Как вы думаете, почему поступки конкретного человека трудно предсказать и описать языком математики?

С XX в. господствующим становится формальный подход к математике. Математика трактуется как операции над значками по произвольно придуманным правилам (задаваемыми аксиомами и правилами вывода). Иногда из уважения добавляют: не просто операции, а хитрые операции. Основное требование: применение придуманных правил не должно приво-

дить к противоречию. Для «чистых» математиков все математические выражения не имеют прагматического смысла. Математика, говорят они, – это музыка мысли. Главное – это красота. Приведу простейший пример.

$$\begin{aligned}1^2 &= 1; \\2^2 &= 1+3; \\3^2 &= 1 + 3 + 5; \\4^2 &= 1 + 3 + 5 + 7 \text{ и т. д.}\end{aligned}$$

Красиво? Смотрим еще:

$$\begin{aligned}1^3 &= 1; \\2^3 &= 3 + 5; \\3^3 &= 7 + 9 + 11; \\4^3 &= 13 + 15 + 17 + 19 \text{ и т. д.}\end{aligned}$$

Как это можно использовать? Вряд ли кто-нибудь знает. Но ведь действительно красиво! Все математические объекты (включая числа) – идеализированные объекты, они в реальности не существуют. Даже арифметические банальности типа $2 + 2 = 4$ верны в арифметике, а не в реальности. Для сомневающихся: сколько будет 2 капли воды + 2 капли воды? Или 2 кролика + 2 кролика? Тем не менее обнаруживается «непостижимая эффективность математики в естественных науках» (название знаменитой статьи физика Ю. Вигнера). Оказывается: если какие-то значки удастся интерпретировать на реальности и если при такой интерпретации будут верны некоторые теоремы, то верен будет и весь корпус

теорем. Физикам именно поэтому удается «на кончике пера» выводить законы о реальных объектах. Так, если для подсчета количества карандашей верно, что $2 + 2 = 4$ и $2 + 3 = 5$, то для подсчета карандашей верно и любое другое выводимое из арифметики равенство. Психологи же, *во-первых*, не решили вечных проблем и потому не могут непротиворечиво описать поведение конкретного человека. А *во-вторых*, не только несоздали свою собственную подходящую им математику, т. е. свои правила оперирования значками, но и не придумали психологическую интерпретацию значкам в какой-либо из весьма разных математических теорий. Попытки И. Гербарта или К. Левина использовать классический матанализ или топологию слишком умозрительны, чтобы их можно было применить к реальным поступкам человека. Математические модели когнитивистов предназначены исключительно для описания узкого феномена (причем обычно без анализа правомерности принятия аксиом используемой математической теории) и, как правило, подбираются просто как более соответствующие эмпирическим данным и лишь из тех разделов математики, с которыми знакомы разработчики моделей. Такие модели могут даже удачно предсказывать какие-то аспекты поведения человека. Однако сама по себе обработка эмпирических данных в принципе не позволяет выявить ненаблюдаемые причины наблюдаемых явлений, понять, как говорят философы, сущность этих явлений.